Скрытые пружины

Автор:
Уолтер Кенни

Скрытые пружины

Уолтер Кенни

Действие семейной хроники происходит в английском поместье Хиддэн-мэнор в начале XX века. Каждый из обитателей хранит в своём сердце секреты, недоступные остальным, каждый живёт в плену своих страстей. На фоне мрачного особняка и каменистых пустошей Девоншира разворачивается история, отголоски которой способны причинить страдание даже спустя сотню лет. Долгое время заброшенный дом хранит тайны прошлого, но наступает момент, когда истина заставляет понять, как воплощённое желание может превратиться из награды в наказание.

В оформлении обложки использованы фотографии с https://www.pinterest.ru по лицензии CC0.

Пролог

Грузный седой старик метался по подземелью, припадая на больную ногу и глухо стуча палкой по каменному полу. Его тень скользила по стенам, словно морское чудовище, бьющееся в агонии. Старик то судорожно перебирал ворох смятых бумаг, беспрестанно повторяя: «Гнусный вор! Он всё у меня забрал, ничего не оставил, ничего!», то снова принимался кружить между металлических столов, как дервиш, одержимый неистовой пляской.

Вытирая неопрятным рукавом слезящиеся глаза, он трясущимися пальцами в застарелых ожогах перелистывал толстые тетради в клеёнчатых переплётах.

Срываясь на жалобный плач, расшвыривал по полу содержимое обитых жестью шкафов, в исступлении сминая бумагу ногами и разрывая листы наконечником палки. Поспешил к потайному ящику, судорожным движением сорвал с шеи ключ на тонком шнурке, отпер дверцу. Вглядевшись в пустоту тайного сейфа, покачал головой и по-детски всхлипнул.

До изнеможения кружа по комнате, старик быстро выдохся и осел бесформенной грудой в истёртом кожаном кресле, надсадно дыша и пытаясь унять клокотание в груди, ясно различимое при каждом вздохе.

Спустя недолгое время он зашевелился, неловко повернувшись, встал, перенеся вес своего тела на здоровую ногу, и достал из ящика стола небольшую склянку. Медленно вынул из горлышка притёртую каучуковую пробку и быстро, будто опасаясь передумать, глотнул мутную жидкость. Опираясь одной рукой о стол, он, морщась от горечи, выпил всё содержимое склянки, а затем швырнул её на пол.

Потом старик неловко опустился в кресло, чуть не упав, и устало смежил морщинистые веки. Склонив голову, с закрытыми глазами он долго вслушивался в несмолкающее бормотание подземных вод. Кулаки его расслабились, черты лица приобрели спокойное выражение.

Когда он потянулся за стопкой желтоватой бумаги, лежащей на краю стола, трясущиеся пальцы задели и чуть не опрокинули чернильницу. Медленным, очень плавным движением старик передвинул её подальше от края. Глубоко вздохнув, навис над столом, задумавшись, и принялся исписывать беглым почерком один лист за другим.

Закончив и перечитав написанное, старик, зайдясь в жестоком приступе кашля, уверенным движением сложил письмо вчетверо и положил перед собой, наблюдая, как расправляется плотная бумага. Глаза его почти закрыты, голова клонится к груди, дыхание становится неслышным.

Казалось, будто старик, утомлённый отчаянными бесплодными поисками, засыпает. Внезапно, резко очнувшись, он хрипло вскрикнул и принялся что-то искать в ящиках стола. Осторожно, будто хрупкое яйцо, вынул полый стеклянный резервуар.

Помедлив, аккуратно поместил исписанный листок в стеклянную капсулу, бережно сомкнув её винтовые края. Растопил на огне свечи сургуч, окунул в него тонкую кисть и тщательно прошёлся ею по краям резервуара, надёжно запечатывая содержимое капсулы.

Движения старика становятся всё медленнее, он прикрывает веки, будто пламя свечного огарка становится непереносимым для его глаз. Неслышно шевеля губами, выпрямляет спину и, держа стеклянную капсулу двумя руками, долгое время смотрит на неё.

«Хорошо, вот теперь хорошо…» – выдыхает он с улыбкой, и улыбка эта полна облегчения. Тяжело подняв правую руку, он тянется к пламени свечи, подслеповато щурясь, и смыкает пальцы на фитиле, погружая комнату, себя и весь мир в блаженную темноту.

Часть 1

Глава 1

Миновало почти десятилетие, прежде чем я выросла и поняла, что моя мать, урождённая Вирджиния Грейблум, страдала от жестоких приступов меланхолии и не была счастлива в доме своего мужа. Серьёзный усатый доктор, наблюдавший меня, и семья тётушки, принявшей в моей судьбе живейшее участие, добились того, что события, произошедшие летом одна тысяча девятьсот пятого года, почти изгладились из моей памяти. По соображениям здоровья, я должна была забыть все видения, которыми мой воспалённый разум в то время мучил меня. Тем не менее несмотря на все их усилия, воспоминания о матери – пусть даже ускользающие и зыбкие, – сохранились в моей памяти.

Как скупец, бережно перебирающий в ладонях тусклые кругляши монет и ревностно охраняющий свой тайник от посторонних жадных глаз, все эти годы я хранила в душе далёкие картины прошлого, дорогие моему сердцу. Подвижное, с тонкими чертами, лицо моей матери часто виделось мне во сне. Её мягкая

улыбка и особое выражение чуть раскосых тёмных глаз вспоминались мне в те редкие моменты, когда я оставалась в одиночестве.

В ненастную пору, когда дождь хлестал яростными струями закрытые ставни моей комнаты, я почти явственно слышала ласковый, слегка насмешливый голос матери, зовущий меня по имени. Старый потрёпанный друг, из которого я, презрев все усилия тётушки Мод, так и не сумела научиться извлекать хоть сколько-нибудь ласкающие слух звуки, помнил лёгкие прикосновения длинных музыкальных пальцев, бегло пробегавших по его клавишам.

В детстве, в эгоистичной манере, присущей каждому ребёнку, я воспринимала своих мать и отца как часть окружающего меня мира, не вникая в сложные хитросплетения их взаимоотношений. Жили мы очень обособленно, и наш холодный неухоженный особняк редко посещали соседи с визитами или другие гости.

Много позже я узнала, что жители нижней деревни стараются обходить наш дом стороной и называют его «Ведьмин пуп». Сейчас, весной одна тысяча девятьсот двенадцатого года, когда я возвращаюсь в поместье отца, забавное название представляется мне более подходящим, чем чопорное «Хиддэн-мэнор», присвоенное старому громоздкому дому предками моего отца.

Тогда же, в детстве, я не задумывалась ни о том, какие пересуды и толки вызывали у деревенских таинственные занятия моего отца; ни о том, по какой причине мать так отчаянно стремилась покинуть и свою пропахшую лауданумом комнату, и весь этот дождливый край, пропитанный болотными испарениями.

Для меня наш огромный дом, походивший на замок – с его каменными стенами, покрытыми изумрудным мхом, бесконечными гулкими коридорами и сводчатыми потолками, – всегда был источником множества открытий и ареной для выдуманных мною игр. Обладая умением незаметно проникать в любое из его помещений, я подслушивала разговоры горничных, частенько казавшиеся мне непонятными и скучными. Скрываясь в стенных нишах, закрытых пыльными гобеленами, я изображала завывания призраков, заставляя кухонных девчонок визжать до одури.

Дом казался мне сказочным замком принцессы, в котором пока ещё не поселился свирепый дракон. Будучи ребёнком, я не замечала плесени на отсыревших

обоях, плохо вычищенного серебра за обеденной трапезой и всеобщей атмосферы запустения и обветшалости.

В периоды лихорадочной активности, никогда не длившиеся долго, моя бедная мать развивала бурную деятельность и строила планы по восстановлению восточного крыла поместья. Такие затеи никогда не доводились ею до конца и обычно являлись причиной ожесточённых споров с отцом, который не терпел посторонних людей в доме.

Деревенские девушки, нанятые с помощью нашей верной миссис Дин, экономки и кухарки в одном лице, не приходили в Хиддэн-мэнор более нескольких раз. Отдалённость дома от деревни и близость его к Лидфордскому ущелью, отсутствие подобающего штата прислуги и сама хмурая громада особняка с гуляющими по нему сквозняками пугали неотёсанных деревенских девчонок.

Да и моя мать, как я сейчас понимаю, с её кипучей энергией и горящими неестественным энтузиазмом раскосыми глазами не представлялась им почтенной госпожой, держащей себя прилично своему положению. После таких вспышек лихорадочной, но бестолковой деятельности, мать надолго уходила в себя, часами неподвижно лёжа на кушетке у огня, и долго ещё комнаты восточного крыла оставались разорёнными, вызывая гнетущее ощущение разрухи.

Вообще, только попав в дом моей добродетельной тётушки, я получила возможность понять, каким непохожим был уклад всей нашей жизни на тот, что должен был приличествовать положению семьи Вордсворт. Пока я была ребёнком, мне не приходилось сравнивать свою жизнь с чьей-то ещё, так как единственными людьми, окружающими меня, долгое время оставались лишь отец с матерью, наша немногочисленная родня и старая нянюшка.

Мой отец, старший сын в роду, получил блестящее образование в Лионском университете и титул эсквайра, а сразу после женитьбы на моей матери, урождённой Грейблум, и родовое поместье Хиддэн-мэнор. Только сейчас я начала понимать, как тяжело было юной Вирджинии с её живым и кипучим нравом после шумного Лондона свыкнуться с отшельнической жизнью в Дартмуре.

Особая красота сумрачных болотистых низин и поросших вереском холмов не трогала её душу, заставляя чувствовать себя одинокой и всеми забытой в нашем старинном уединённом доме. Трудно было себе представить более несхожих по своему складу людей, чем мои родители. В детстве меня не покидало чувство, будто мы живём в Хиддэн-мэнор временно, в ожидании далёкого путешествия к какой-то другой, сияющей, жизни. Несомненно, на возникновение моих детских ощущений повлияла мятущаяся натура моей матери, воспринимавшей дом отца как постылую темницу.

Но всё же, переняв природную живость характера от моей матери и склонность к уединённым занятиям от моего отца, я наслаждалась детской порой и всем, что могли подарить ребёнку, наделённому воображением, скалистые пустоши Дартмура. По большей части предоставленная самой себе, я часами играла с вымышленными героями нянюшкиных историй, рассказывать которые та была большая охотница.

Прожившая всю свою жизнь в поместье отца, няня Бейкер впитала мрачную атмосферу дома и знала множество старинных преданий, связанных с этой угрюмой местностью.

С раннего детства я засыпала под её рассказы о гадючьих людях, скрывающихся в Уистменском лесу, и призраке Белой Леди, скитающейся по Лидфордскому ущелью. Легенды о Зелёном человеке и своре призрачных гончих в сопровождении Старого Крокерна стали моими первыми сказками, а в девяти каменных осколках мне без всяческого усилия виделись прекрасные девы, осмелившиеся нарушить неуместным смехом течение древнего ритуала. Самой любимой моей историей было поверье о реке Дарт, в бурном течении которой путники слышали зов, заставляющий их бросаться в мутную воду и становиться пленниками демона, живущего в её глубинах.

После смерти моей бабушки, чопорной дамы, которую я видела всего лишь раз, и которая запомнилась мне благодаря напудренной бородавке устрашающего вида на кончике острого подбородка, мои игры обрели ещё одну участницу. До этого Элизабет с тётушкой Мод никогда не приезжали навестить нас в Хиддэн-мэнор, и мне затруднительно подобрать слова, чтобы описать радость от неожиданного обретения кузины, а впоследствии и участницы моих игр, и самой близкой подруги.

Появление в нашем доме холодным декабрьским утром тётушки Мод, такой хорошенькой в своей аккуратной меховой пелерине, заставило мою мать стряхнуть привычную апатию и, распахнув припухшие после сна глаза, кинуться с объятиями к незнакомой мне леди.

– Я приехала, как только смогла, – виновато проговорила нарядная дама, передавая пелерину нашей обескураженной горничной.

– Её…Больше нет? – запнувшись, спросила моя мать. – Мне никто не писал об этом.

– Ты же понимаешь, почему… – опустив глаза, тихо произнесла гостья и шагнула к матери, протянув к ней руки и с трудом сдерживая слёзы.

Пока они, плача и всхлипывая, обнимали друг друга, ко мне приблизилась серьёзная девочка, которую я не сразу заметила, находясь в недоумении от неожиданных событий. Раньше я никогда не видела таких чудесных и нарядно одетых леди, поэтому отчего-то решила, что к нам в Хиддэн-мэнор пожаловала сама Её Величество. Вот только меня смущало, что выглядит гостья слишком молодой и цветущей, а королеву на портретах изображают старой и одутловатой.

От этой мысли меня отвлёк тонкий голосок девочки, которая протянула ко мне руки и произнесла с чрезвычайно серьёзным выражением:

– Меня зовут Элизабет Пристли. Я ваша родная кузина, поэтому мы должны любить друг друга. Приношу вам своё соболезнование. Но эта потеря не должна сломить ваш дух, потому что отец говорит, мы не вправе роптать и порицать божью волю.

С трудом произнеся эту длинную тираду, она наклонилась ко мне и прикоснулась прохладным лицом к моей щеке. Пахло от неё, будто от куска нового мыла в шуршащей обёртке, а кожа была такой белоснежной, что я сразу отпрянула назад, испугавшись, что испачкаю её, и нарядная леди рассердится на меня. Ежеутренние ледяные омовения не входили в число моих любимых занятий, и кувшин с водой частенько оставался в моей спальне с нетронутой корочкой льда, а кусок мыла – сухим.

Девочка сделала маленький книксен, а я не нашлась, что на это ответить, потому как не была уверена в значении слова «соболезнование». В ответ я с силой сжала её маленькие холодные руки и застенчиво произнесла:

– Хорошо. Будем любить друг друга.

Могла ли я знать, что это рукопожатие положит начало узам крепкой дружбы и искренней приязни, в которых, на самом деле, я так отчаянно нуждалась? В тот момент я думала лишь о том, как не оттолкнуть эту необыкновенную девочку с удивительно нежной кожей и блестящими каштановыми кудрями.

Местность, в которой я росла, населяли большей частью простые грубоватые люди с широкими обветренными лицами, поэтому кузина Элизабет показалась мне ангелом, выбравшим слишком хрупкую оболочку для посещения нашего унылого края.

Дом в одночасье показался мне грязным, пыльным и обветшалым, будто рассеялись чары и сказочный замок превратился в руины. Я разом увидела и покосившуюся лестницу с рассохшимися ступенями, и небрежно вычищенный камин с рассыпанной вокруг решётки золой, и даже застарелое пятно от яичного желтка на мятом утреннем халате матери.

Я отметила про себя, как нарядная тётушка Мод чуть заметно покачала головой, выражая неудовольствие, когда неприветливая Абигайль с оттопыренной нижней губой неловко приняла у неё мокрую пелерину. Чуть позже тётушка смерила быстрым оценивающим взглядом и убранство нашей столовой, и накрытый для чаепития стол. Когда же её взгляд обратился ко мне, то я уже была готова провалиться сквозь землю от жгучего стыда и за растрёпанный вид матери, какой она всегда имела по утрам, и за собственное грязное лицо и несвежую одежду.

Всё чаепитие я просидела, опустив глаза и не раскрывая рта, только один раз бросила быстрый взгляд на свою мать, когда уловила в её голосе непривычные мне заискивающие нотки. В тот момент она разливала по чашкам чай из тяжёлого серебряного чайника, никогда не виденного мною раньше. Рука её мелко дрожала, когда она протягивала сестре блюдечко с наполненной чашкой, а над правым виском матери трепетала голубая жилка, выдавая сильное волнение.

Дальнейшие события того дня не полностью сохранились в моей памяти, настолько меня выбило из привычной жизненной колеи вторжение новых родственников, так сильно отличающихся от меня и от всех, кого я знала раньше. Наблюдая за лицом своей матери, я поняла, что она тоже испытывает крайнее смятение чувств, к которому примешиваются радость и волнение от воссоединения с сестрой после долгой разлуки.

Когда первая неловкость после встречи рассеялась, сёстры сели, держась за руки, у камина, и, склонив головы, зашептались о чём-то, изредка негромко вскрикивая и округляя глаза. Несмотря на благородное происхождение, мне они в тот момент напомнили двух молоденьких горничных, болтающих в кухне на другой день после Майского праздника.

Нас с кузиной Элизабет взрослые отослали в мою детскую – комнату, в которой я почти никогда не играла из-за рассохшихся ставней и ледяных сквозняков. Горничные тоже не любили это мрачное помещение, пугаясь завываний ветра в каминной трубе и скрежета деревянной ставни, до которой никто не мог дотянуться, чтобы усмирить её. Здесь всегда было пыльно, а в грязном камине громоздилась куча сажи и обгорелых поленьев.

Я с трудом могла представить себе, как моя чистенькая кузина играет на пыльном полу заброшенной детской, поэтому взамен предложила провести ей экскурсию по дому. Улыбнувшись, она повернула ко мне сияющее лицо и ответила: «О, с радостью, дорогая Маргарет!».

Умение радоваться мелочам и испытывать интерес к самым обыденным вещам оказались яркими чертами характера моей необыкновенной кузины Элизабет. В этом я убедилась, когда она вместе со мной путешествовала по нашему мрачному дому, приходя всё в больший восторг от гулких коридоров, полупустых комнат со старинной громоздкой мебелью в пыльных чехлах и высоких, как в часовне, сводчатых потолков галереи.

Пока наши матери пытались наверстать упущенное за годы разлуки, восстанавливая картину общих воспоминаний, связывавших сестёр в прошлом, мы с Элизабет привязались друг к другу крепкими узами духовного сродства, разорвать которые, как мне тогда казалось, не сумеет ни одна сила на земле.

Меня пленяло в кузине Элизабет решительно всё – и её манера очаровательно вскидывать голову, прежде чем разразиться нежным благовоспитанным смехом; и сияющие от неожиданной находки глаза, даже если это было всего-навсего переливчатое воронье перо; но более всего меня привлекала в ней основательная безмятежная уверенность в правильности и единственновозможности каждой жизненной ситуации. Это восприятие каждого дня как небольшого, но удивительного чуда, дарованного свыше, поражало меня до глубины души и вселяло ещё большую любовь к моей новообретённой родственнице.

Конечно, свою роль в становлении её натуры сыграло серьёзное религиозное воспитание, которым занимался её отец, викарий англиканской церкви Джошуа Пристли. Хотя тётушка Мод, как я заметила позже, излишней религиозностью и не отличалась, Элизабет воспитывалась в строгом соответствии с церковными канонами и с детства была приучена видеть в каждом наблюдаемом событии руку провидения, наставляющего неразумных детей своих на путь истинный.

Вместе с тем мрачная религиозная одержимость, так пугавшая меня в викарии Пристли, совершенно отсутствовала у Элизабет, постигавшей мир Божий и его законы со взволнованным и радостным предвкушением ребёнка, разворачивающего долгожданный подарок.

Всякий раз после отъезда тётушки Мод и кузины Элизабет наш огромный мрачный особняк казался мне ещё более обветшалым и заброшенным. Моя мать почти сразу же погружалась в свою привычную апатию, будто накидывала на себя уютную шаль равнодушия к окружающему миру. Усталые раздражённые слуги возвращались к неспешному ритму жизни, не подразумевавшему чистки серебра или каминных решёток, так что наш быт, так сильно преображавшийся с приездом тётушки, возвращался к своему изначальному состоянию.

Жизнь, которая начинала бурлить и искриться с приездом желанных гостей, быстро затухала и превращалась всё в то же стоячее болото, что и обычно. Решимости матери навести соответствующий порядок в нашем несуразном доме хватало ненадолго, а все её обещания, данные тётушке Мод при расставании, оставались невыполненными. (К слову, отец довольно прохладно отнёсся к тому факту, что в поместье частенько приезжает сестра жены с дочерью, но так как виделись мы с ним только за короткими трапезами, да ещё и не каждый день, его мнение нас с матерью не особенно интересовало).

Таким же образом дело обстояло и с моим домашним образованием. До этих пор ни мою мать, ни моего отца не волновало то, что бо?льшую часть дня я предоставлена самой себе, а нянюшкины россказни никоим образом не соответствуют тому, что должна знать и уметь юная барышня моего возраста и положения.

После первого же визита тётушки Мод начала всерьёз обсуждаться идея поиска для меня хорошей гувернантки, способной привить мне любовь к порядку и благоразумию, а также научить достойно держать себя в обществе. Почувствовав угрозу своей привольной жизни, я встретила эту идею со всей строптивостью невоспитанного ребёнка, который не привык к ограничению свободы. Можно сказать, что я уже изначально питала ненависть к этой неизвестной леди, которая должна была прибыть в наш дом и поселиться в соседней со мной комнате.

Не только я оказалась не готова к вторжению постороннего человека в размеренный и привычный ход нашей жизни. Моя мать тоже не выказывала никакого энтузиазма по поводу массы хлопот, которые неизменно бы появились с появлением в Хиддэн-мэнор гувернантки для её подрастающей дочери. Поэтому было решено пойти на компромисс и подчиниться мягким, но настойчивым требованиям тётушки Мод превратить меня в маленькую леди, при этом избавившись от необходимости расширять штат прислуги.

Моя мать решила заняться моим образованием собственноручно, и идея эта целиком захватила её на какое-то время, что меня удивило и обрадовало. Наблюдая за нежными взаимоотношениями тётушки Мод и кузины Элизабет, я лелеяла надежду на то, что мы с моей матерью станем так же близки друг к другу, но ожиданиям моим сбыться было не суждено.

Хронические мигрени и меланхолия, которыми страдала моя мать, не позволяли ей уделять мне столько внимания, сколько я требовала от неё. Нередко с самого утра её комната оказывалась заперта для меня, а семейный доктор, лечивший мою мать по большей части настойкой опия и горячими припарками, настоятельно советовал не беспокоить больную.

Занятия наши прекратились, так по-настоящему и не начавшись, и комната на втором этаже, специально подготовленная для проведения уроков, стояла закрытой.

Вскоре я начала ожидать визита тётушки Мод и кузины Элизабет не только для того, чтобы увидеть дорогих моему сердцу людей, но и по той причине, что при них моя мать забывала о своих недомоганиях и становилась деятельной и смешливой. Неподдельное внимание и искренняя любовь, которые она дарила мне в эти дни, заставляли меня забывать о предшествующих им неделях холодности и равнодушия.

Перед сном я неумело молилась о том, чтобы тётушка Мод и Элизабет навсегда переехали к нам в Хиддэн-мэнор. Мне представлялись долгие счастливые дни, полные беспечных игр с Элизабет; чаепития у камина со свежими лепёшками (которые почему-то никогда не подавались к чаю вне приезда в поместье гостей), а также долгие прогулки вчетвером по скалистым холмам и вересковым пустошам Дартмура.

Эти упоительные картины, которые я рисовала в своём воображении, страстно желая их реального воплощения, казались мне невыразимо прекрасными. Тем большим ударом для меня стало известие о том, что тётушка Мод и кузина Элизабет отправляются в путешествие на континент, отчего мы долгое время не сможем увидеться с ними. Эта новость, которую я услышала в кухне от миссис Дин, буквальным образом заставила мои ноги подкоситься, а сердце сжаться от предчувствия долгой разлуки.

Около недели я была безутешна, бродя по дому и не находя прежней радости в своих одиноких играх, которые теперь было не с кем разделить и о которых теперь было некому поведать. Удручённое состояние настолько завладело мной, что я начала плохо спать и потеряла аппетит; мои угловатые черты лица заострились, а волосы лишились привычного живого блеска.

Разлука с любимыми людьми заставляла меня страдать. Вполне вероятно, что она могла стать причиной развития меланхолического недомогания, но тут произошло нечто, заставившее мою мать стряхнуть с себя хроническое сонное оцепенение. У нас с нею появилась общая тайна, отчего мы обе воспрянули духом и сблизились, как никогда ранее.

Глава 2

В то утро нянюшка Бейкер разбудила меня позже обычного. Хандра, охватившая всё моё существо после известия об отъезде тётушки Мод, повлияла на моё здоровье, и я чувствовала себя слабой и больной. Резкий запах виски, которым нянюшка сдабривала свой утренний чай в промозглую и сырую погоду, вызвал у меня приступ тошноты и желание не покидать уютную постель под плотным пологом, хранившим тепло.

– Вставайте, маленькая мисс! Неужто вы собираетесь полдня валяться в постели? – голос нянюшки, редко настаивавшей на своём, был на удивление резким.

Когда няня была не в духе, я старалась не подливать масла в огонь её неудовольствия, поэтому поспешила подчиниться.

Обычно, разбудив меня, нянюшка удалялась, предоставляя мне самостоятельно одеваться и совершать утреннее умывание (которое я частенько пропускала, не желая терять остатки тепла и покрываться мурашками от ледяной воды). Первой странностью сегодняшнего утра было то, что она продолжала выситься надо мной, нервно постукивая правым ботинком по половицам и наблюдая за моими действиями, неодобрительно поджав губы.

Под её настойчивым взглядом я умылась и, стуча зубами, натянула тёплые чулки и шерстяное платье, гадая в уме, что же послужило причиной странного нянюшкиного поведения.

Спустившись в столовую, я, к несказанному моему удивлению, обнаружила там свою мать, которая сидела у огня в твидовом костюме, аккуратно причёсанная и улыбающаяся. Моё сердце забилось от предчувствия радостных известий, но, быстро окинув стол взглядом, я не обнаружила дополнительных приборов для гостей и серебряной посуды, которую использовали, когда в поместье ожидали тётушку Мод с кузиной. Зато я увидела на столе свежие овсяные лепёшки, блестевшие от масла, горшочек с мёдом, хрустящие полоски бекона, пышный омлет и пузатый кофейник, от которого шёл пар.

От запаха всей этой снеди мой рот сразу наполнился слюной, но объяснение такому изобилию на столе по-прежнему отсутствовало. Миссис Дин, наша кухарка, редко утруждала себя приготовлением таких изысканных завтраков, чаще всего по утрам на стол подавали остывшую овсянку, варёные яйца с

копчёной пикшей или остатки холодного мяса, которое приходилось долго жевать.

Ещё больше меня удивляли хитрые заговорщические взгляды, которые бросала на меня моя мать, пока я с наслаждением завтракала. Один тот факт, что она вышла из своей комнаты в такое раннее время, уже приводил меня в изумление, а когда она предложила мне горячий кофе, щедро разбавленный свежими сливками, я и вовсе растерялась.

И тут внезапная догадка вспыхнула в моей голове.

– Гувернантка! – выпалила я, поспешно проглотив кусок восхитительной горячей лепёшки с мёдом и даже не почувствовав её вкуса. – В Хиддэн-мэнор приезжает гувернантка!

Мать удивлённо вскинула брови, а потом вяло махнула рукой, отметая моё предположение:

– Вовсе нет, детка, с какой стати тебе пришло это в голову? Никто к нам не приезжает. Хотя, возможно, вечером у нас и будут гости.

– Но это не тётушка Мод с кузиной Элизабет? – с затаённой надеждой спросила я, зажмурившись в ожидании ответа.

– Нет, это совсем другие гости. Твои тётя и кузина сейчас плывут на большом корабле, гуляют по палубе и любуются океаном, – голос матери прозвучал задумчиво и печально, а ещё в нём слышались досада и неудовольствие, непонятно кому предназначающиеся.

Шпионя за ней сквозь ресницы, я заметила, как она с отсутствующим видом, чуть прищурившись, смотрит на огонь, и её лицо принимает мечтательное выражение. В такие моменты, когда мать уносилась мыслями в какие-то недоступные мне дали, меня пронизывало чувство утраты, которое спустя несколько лет станет моим привычным спутником, и я всегда с детской ревностью пыталась вернуть её обратно, в ту реальность, откуда она так стремилась сбежать. Поэтому я произнесла капризным тоном:

– Я тоже хочу увидеть океан! Тоже хочу плыть на большом корабле!

Выражение досады вернулось на лицо матери, она нахмурила брови и порывисто встала, хлопнув в ладоши:

– Хорошие девочки не капризничают и не расстраивают маму. Доедай поскорее свой завтрак. Мы отправляемся на прогулку!

Находясь в ещё большем удивлении, я стремительно уничтожила содержимое своей тарелки и допила, стараясь не морщиться, остывший горьковатый напиток. Всё время после отъезда тётушки Мод моя мать пребывала в угнетённом расположении духа, не выходя из своей комнаты. Тем радостнее было видеть оживление на её лице, говорившее о том, что период безразличия и апатии окончился.

Погода в это время года не баловала солнечными днями, но этим утром через просветы в низких тучах проникали тусклые лучи солнца, освещая местность зыбким светом. Белые снежные мухи медленно кружились над нами, пока мы шли по дороге, ведущей к Лидфордской деревне. Остановившись там, где дорога раздваивается и ведёт к Тэвистоку, моя мать задумалась на мгновение, а затем свернула к ущелью. Солнце скрылось и порывы промозглого ветра заставляли вздыматься полы её светлой верблюжьей пелерины, отчего она походила на призрак, медленно бредущий в сумрачном свете.

Моя мать не любила пешие прогулки по землям, граничащим с поместьем, поэтому, следуя за ней, я всю дорогу гадала, чем вызвано её желание посетить ущелье. Когда я уже хотела нарушить затянувшееся молчание, чувствуя, что мать опять унеслась мыслями куда-то далеко от меня, она неожиданно спросила:

– Маргарет, ты веришь, что духи умерших находятся среди нас?

Мне показалось забавным то, что она спросила о призраках спустя всего лишь несколько минут после того, как я о них подумала, поэтому у меня вырвался короткий смешок. Мать чуть вздрогнула и как-то странно на меня посмотрела. Испугавшись, что разочаровала её, я мгновенно стала серьёзной и с жаром ответила:

– О да! Где же им ещё быть? Конечно, они окружают нас. Вот только увидеть их сможет не каждый.

Мать опять бросила на меня странный взгляд и пробормотала что-то вроде: «Признаться, я удивлена!», а потом, повысив голос, задала вопрос:

– А ты, Маргарет, когда-нибудь видела духа или призрака?

В тот момент я порадовалась тому, что шла чуть позади и широкие полы разлетающейся пелерины не давали ей заглянуть мне в лицо. Я лихорадочно раздумывала, как правильно ответить на этот вопрос, не оборвав ниточку искреннего интереса ко мне.

Сама ситуация, сложившаяся этим удивительным утром: наша чинная прогулка, беседа, в которой она интересовалась моим мнением по такому серьёзному вопросу – всё это вскружило мне голову и вызвало желание удержать материнское внимание. Поэтому я с кажущейся небрежностью прервала затянувшуюся паузу:

– Ну…Не то, чтобы видела. Но я иногда играю с Белой Леди. Она живёт там, дальше, у водопада, – и я показала рукой на ущелье.

Мать вздрогнула и остановилась, повернувшись ко мне. Ветер яростно трепал пелерину, превращая её в птицу, отчаянно бьющую крылами. Пристально всмотревшись в моё лицо, она спросила со странной настойчивостью:

– Ты когда-нибудь разговаривала с нею?

Няня Бейкер часто поучала меня, что ложь и притворство ведут человека по скользкому пути порока, поэтому я не решилась дать волю своему воображению и честно ответила:

– Нет, Белая Леди обычно безмолвна, – и сразу продолжила, опасаясь того, что интерес матери к беседе со мной увянет, – но я часто вижу, как она скрывается за деревьями, когда прихожу в ущелье одна. Белая Леди всегда в одном и том же платье, а в руке держит платок, которым утирает слёзы. И иногда мне кажется, что она зовёт меня.

Глаза матери расширились от изумления, а щёки разрумянились от непонятного мне волнения. Порывисто схватив меня за руки, она с восхищением произнесла:

– Маргарет, ты удивительная девочка! И очень храбрая! А ты уже рассказывала кому-нибудь о том, что видела?

Я помотала головой, опустив глаза, не в силах говорить от ощущения жаркого счастья, вызванного словами матери.

– И ты не боялась? Не боялась, что Белая Леди причинит тебе зло?

– Нет, ведь это всего лишь бесплотный дух, – подняла я глаза на мать, удивляясь звучавшему в её голосе изумлению. – Они живут в своём мире и не могут совершить что-то нехорошее.

В моей голове всегда свободно уживались собственные фантазии, рассказы нянюшки Бейкер о древних легендах и суеверия местных, из-за чего я искренне не понимала трясущихся от ужаса горничных, опрометью выбегавших из подвала, если им доводилось почувствовать дуновение сквозняка на своём лице. По этой причине горничные в нашем доме редко задерживались надолго, ведь каждая из них, будучи уроженкой здешних мест, с детства слышала истории о Лидфордском ущелье и Уистменском лесе, в котором одинокие путники частенько видели призрачные похоронные процессии, медленно бредущие по Дороге Мёртвых. Наш старинный обветшалый дом, одиноко высившийся между лесом и ущельем, и вправду выглядел крайне мрачно, навевая мысли о привидениях и неупокоенных душах, но я всегда находила эти суеверия забавными и несостоятельными.

Вне себя от успеха своей истории, на обратном пути я трещала, не умолкая ни на секунду. Я поведала матери о призраках всё, что когда-либо слышала от нянюшки Бейкер и деревенских девушек, слегка приукрашивая эти рассказы и пытаясь представить себя в выгодном свете. Но она уже почти не слушала меня, торопливо шагая и что-то неразборчиво бормоча себе под нос. Как стало понятно потом, наша беседа в то утро дала толчок всем произошедшим далее событиям, вот только я ещё этого не понимала. Кому суждено знать, как бы я повела себя, если бы догадалась об истинной причине материнского интереса?

Когда мы вернулись домой, мать сразу же прошла к себе, не глядя более на меня, чем я была крайне раздосадована. Но, давно привыкнув к быстрой смене её настроений, я не придала этому особого значения и поспешила наведаться к миссис Дин в надежде полакомиться остатками завтрака. В кухне всегда стояло ровное тепло от огромной и жарко натопленной плиты, поэтому я согрела озябшие за время прогулки руки и только тогда обнаружила, что и кухня, и помещение для слуг пусты.

Поднявшись на второй этаж, я обнаружила всех слуг в малой гостиной, которая долгое время почти не использовалась, ведь гостей мы принимали крайне редко. Миссис Дин с недовольным лицом командовала угрюмыми горничными, которые, вяло переговариваясь, пытались придать комнате жилой вид. Не заострив особо внимания на этом факте, я тихонько взбежала по боковой лестнице на третий этаж, унося в карманах платья тёплые лепёшки, приличный кусок запечённого окорока и пару яблок, и собираясь устроить себе королевское пиршество.

Как все одинокие дети, растущие без братьев или сестёр, я обращала мало внимания на окружающих меня людей и имела в запасе сотни игр, для которых не требовалось более одного участника.

В залах отцовского дома, служившего ареной для моих фантазий, происходили доблестные сражения, пышные королевские приёмы и ристалища благородных рыцарей, совершающих подвиги во имя Прекрасной Дамы. Но самой-пресамой моей любимой забавой была игра в призрака.

Играла я в неё нечасто, опасаясь потерять то щекочущее чувство, ради которого всё действо и затевалось. Забава эта требовала полного сосредоточения на собственных ощущениях и полной же тишины, которая всегда царила на третьем этаже восточного крыла Хиддэн-мэнор. Даже с любимой Элизабет я не смогла разделить это сладкое и пугающее переживание, не смогла найти нужных слов, чтобы поведать ей об этой необычной игре. К тому же меня останавливала мысль, что кузина вряд ли одобрит подобное развлечение и может счесть его неприличным.

Собираясь играть в призрака, надлежало встать на середину зала и запрокинуть голову назад, пристально вглядываясь в затейливую роспись на сводчатом потолке. Смотреть приходилось долго, пока в голове не поднимался лёгкий шум, а шея не начинала ныть. После этого нужно было как можно медленнее прикрыть глаза, но так, чтобы узор потолка продолжал видеться сквозь

сомкнутые веки, и ни на минуту не ослаблять внимание, путешествуя взглядом по каждому отрезку полустёршейся росписи. В какой-то момент начинало казаться, что мои глаза по-прежнему открыты, а руки и ноги становятся невесомыми и движутся вверх. Множество раз я испытывала сладкое и тягучее ощущение парения в пустоте, чувствуя, что поднимаюсь над полом, возносясь к потолку и становясь бесплотным духом.

Всецело погрузившись в игру, я не сразу услышала шаги няни Бейкер, знавшей почти все мои укромные места для игр. К этому времени я уже успела позабыть об утреннем разговоре с матерью и загадочных гостях, которые должны были посетить нас.

– Попомните мои слова, мисс, отправят вас в пансион, – пропыхтела, отдуваясь, няня Бейкер, недовольная тем, что ей пришлось искать меня по всему дому. – Отправят и домой забирать не будут, чтобы вы научились себя вести, как следует воспитанной леди.

От неожиданности я вздрогнула и на миг представила подобную перспективу, но последующие слова няни потрясли меня ещё больше.

– Прибыли гости, и ваша матушка хочет, чтобы вы спустились к ней и помогли за чайным столом.

Никогда ещё на моей памяти наш дом не посещал никто, кроме тётушки Мод и кузины Элизабет, и желание матери видеть меня рядом с собой в этот момент наполнило мою душу ликованием. Пребывая в сильнейшем возбуждении, я позволила няне Бейкер переодеть меня в чистое платье и заплести мои волосы в тугую причёску, не обращая внимания на боль от чрезмерно стянутого узла. Продолжая гадать, откуда прибыли гости и кто они, я с замирающим сердцем спустилась на второй этаж и подошла к дверям малой гостиной. Услышав за ними гул множества голосов, от робости я попятилась назад, но няня Бейкер распахнула двери и резким движением втолкнула меня внутрь.

Первой, кого я увидела, войдя в комнату, была немолодая дородная леди в розовом платье, украшенном множеством пышных оборок и рюшей. В руке она держала сладкий кекс с коринкой, и её полные красные щёки ритмично двигались, пережёвывая угощение. Замерев на пороге, я уставилась на неё, не в силах отвести взгляд от крупных, будто мужских, обветренных рук. Такие же

руки были у нашей старшей горничной Абигайль в дни большой стирки.

Увидев моё замешательство, мать порывисто подошла ко мне и незаметно для остальных ущипнула за плечо, напомнив о хороших манерах. Спохватившись, я шагнула вперёд и неловко поприветствовала присутствующих, а мать с плохо скрытым торжеством в голосе сообщила всем:

– Вот! Это наш проводник. Несмотря на малый возраст, девочка показывает отличные способности к установлению контакта. Просто удивительные способности!

Дама в розовом платье тут же перестала жевать и, хищно осклабившись, поманила меня к себе.

– Ну-ка, ну-ка! Какая милая маленькая леди! Иди-ка сюда, прелестное дитя. Скажи мне, как тебя зовут? – пророкотала она низким голосом.

Без промедления мать подвела меня к ней так близко, что я увидела чёрные волоски над её верхней губой и ощутила лёгкий запах плесени, идущий от топорщившихся во все стороны оборок платья.

– Меня зовут Маргарет, миссис, – негромко ответила я, стараясь не смотреть на её руки, существовавшие как будто отдельно от остального тела.

– Какое красивое имя! – с преувеличенным восхищением произнесла дама и похлопала по сиденью стула, стоявшему рядом с нею. – Садись-ка, Маргарет, и расскажи нам о том, когда ты первый раз вошла в контакт с потусторонним существом.

– Расскажи, когда ты первый раз увидела Белую Леди и что ты при этом почувствовала, – повторила её просьбу моя мать, со странной настойчивостью глядя на меня. Я заметила, что чашка с чаем в её руке чуть подрагивала, а глаза косили самую малость больше обычного, как это всегда бывало у неё от волнения.

В этот момент все присутствующие в комнате замерли и уставились на меня, перестав жевать, только седовласый господин продолжал шумно прихлёбывать

чай. От звука глотательных движений, которые он производил, и пристального внимания ко мне со стороны такого большого количества людей я совсем растерялась и почувствовала, как пунцовый жар заливает мои лицо и шею. До меня наконец дошло, что утренняя ложь, целью которой было привлечь внимание матери, теперь вряд ли обойдётся без последствий. В моём сознании промелькнула мысль о том, чтобы признаться во всём и объяснить, что я выдала за реальные события плоды своего воображения, но, представив огорчение матери и её разочарованный взгляд, обращённый ко мне, я ужаснулась и ещё больше покраснела.

– Я вижу Белую Леди уже давно, – пробормотала я, чувствуя, как меня начинает мутить от запахов плесени и розового масла, витавших в гостиной. – Она плакала за деревом, и мне стало её жаль.

Леди в розовом закивала, отчего её обширный подбородок затрясся, и уверенным тоном прокомментировала:

– Так-так, неупокоенная душа сама искала контакт. В этом случае всё намного проще.

– А ты не испугалась, когда увидела Белую Леди и почувствовала её зов? – вступила в разговор ещё одна дама, своей худощавостью и бесцветностью сама напоминавшая призрак.

– Нет, не испугалась, – помотала я головой. – Но я помню, что мне стало холодно. И в животе появилось какое-то странное ощущение.

Все удовлетворённо закивали головой и начали тихо перешёптываться, поглядывая на меня.

– Это была всего лишь игра! – попыталась я найти путь к отступлению, но меня уже никто не слушал.

Лицо матери разгладилось и она воскликнула, похлопав меня по плечу:

– Маргарет удивительный ребёнок, не правда ли?

От похвалы я не смогла сдержать счастливую улыбку и опустила голову ниже, опасаясь, что присутствующие разгадают мою тайну. Все начали возбуждённо переговариваться, а я, получив передышку, слезла со стула и встала за спиной у матери, сидевшей с ликующим видом у камина.

Немного успокоившись и обнаружив, что более никто на меня не смотрит, я снова ощутила угрызения совести из-за своего обмана, который непостижимым для меня образом привёл ко всем последующим трагическим событиям. Тот вечер положил начало серьёзному разладу между моей матерью и отцом, и если бы я тогда могла знать, чем обернётся для всех нас моя невинная ложь, то скорее бы согласилась остаться на всю жизнь безгласной, чем произнести ещё хоть одно слово.

Но перед сном мать пришла ко мне в комнату и была со мной так ласкова и мила, что мрачные мысли мгновенно улетучились из моей головы. Взяв с меня обещание никогда не рассказывать о событиях этого вечера отцу, она сказала, что отныне мы связаны нерушимыми узами общей тайны, и это наполнило мою душу радостной признательностью.

Глава 3

На следующий день я проснулась так рано, что опередила нянюшку Бейкер, вызвав этим её непритворное изумление.

Обычно няня, если пребывала в добром расположении духа, позволяла мне понежиться в постели и насладиться теплом перед тем, как выбраться наружу. Если же она бывала с утра раздражена перебранкой с кухонными девушками и миссис Дин (с которой время от времени у них разгоралась настоящая вражда), то безжалостной рукой сдёргивала с меня одеяло и заставляла умываться ледяной водой из кувшина, при этом зорко наблюдая за всеми моими действиями.

Одевшись и умывшись без единого напоминания с её стороны, я сейчас же направилась к комнате матери, оставив без внимания накрытый в столовой завтрак. Теперь, когда нас с матерью связывала общая тайна, я считала себя вправе претендовать на большее количество её внимания, не дожидаясь, когда

она пришлёт за мной.

Мать занимала большую комнату в центральной части дома, к которой примыкали вместительная гардеробная и будуар. Частенько, когда строгий доктор запрещал мне или кому бы то ни было беспокоить мать в её нездоровье, я пользовалась, бесспорно, неблаговидным приёмом – проникала в гардеробную через неприметную дверцу, находившуюся под лестницей. Каждый раз, пробегая под ней, я ощущала холодок в животе, ведь всем известно, что проходить под лестницей – это дурная примета.

Вот и сегодня, пробежав на цыпочках под пыльными ступенями, затянутыми паутиной, я вошла в гардеробную и притаилась за дверцей открытого шкафа. Почти сразу же я поняла, что в комнате матери находится отец. Судя по всему, между ними происходила очередная бурная ссора, после которой отец обычно несколько дней не спускался в столовую, а мать запиралась в своей комнате, никого не желая видеть.

Их раздражённые голоса глухо доносились до меня через тонкую перегородку, но подобраться ближе я не рискнула, опасаясь выдать себя неосторожным движением. Всем в доме был известен буйный отцовский нрав, который он давал себе волю демонстрировать при малейших признаках неповиновения его приказам.

– Извольте зарубить себе на носу, что я не потерплю в своём доме кучу всякого сброда! – даже из своего укрытия я слышала, каким возмущением и яростью звенит его голос. – Я понимаю, что вы привыкли якшаться с отребьем, но, став моей женой, вам придётся усвоить правила поведения в достойном обществе. Даже если вам не привили эти правила с детства! Неужели жизнь вас ничему не научила?

– Не вам рассуждать о достойном обществе! – запальчиво выкрикнула мать в ответ на тираду отца. – Ваши скверные занятия отвратили от нашего дома всех людей в этой забытой богом дыре. Я нахожусь в полнейшей изоляции, не имея даже возможности общаться с людьми моего круга. А ведь в Лондоне я блистала! Наш дом в Хэмпстеде посещали представители лучших английских фамилий! Но вы увезли меня в этот забытый край, поселили в холодном полуразрушенном доме, а теперь хотите лишить даже малой толики радостей, которые я могу отыскать в своём положении вашей узницы. Иногда мне хочется закричать во весь голос, и чтобы от моего крика обрушился весь этот старый

выморочный дом со всеми его чёртовыми тайнами. Или чтобы у меня выросли крылья, на которых я улечу из этого склепа вместе со стаей птиц!

Наступила пауза, но звенящий голос матери продолжал раздаваться у меня в голове, столько пронзительной тоски и печали было в её словах. Через несколько минут, наполненных тяжёлым молчанием, отец откашлялся и холодно произнёс:

– Прошу, избавьте меня от ваших больных фантазий. Они навеяны опиумными снадобьями, которые вы поглощаете в неумеренных количествах. Позволю себе напомнить, что вы потеряли возможность вращаться в высшем обществе Лондона исключительно по своей вине. К этому как раз и привело ваше нежелание следовать установленным правилам и традициям. Все эти годы я неукоснительно соблюдаю условия сделки, которая была предложена мне вашей покойной матушкой. И всё, чего я требую от вас, это всего лишь соблюдение своей части договорённости, не более того.

Голос отца, рассуждавшего про какую-то сделку (я не знала тогда значения этого слова), звучал до того холодно и безучастно, что у меня началась нервная дрожь. По-видимому, на мою мать эти рассуждения подействовали таким же образом, потому что истерическая экзальтация покинула её, уступив место привычной вялости и апатии. Тем не менее она не собиралась отступать и со свойственным ей упрямством попыталась оставить последнее слово за собой.

До меня донеслось судорожное всхлипывание, отчего моё сердце наполнилось острой жалостью и состраданием, а затем она произнесла:

– Несомненно, вы вправе требовать от меня соблюдения условий той чудовищной сделки, благодаря которой вы получили неограниченную власть надо мной. Но имейте в виду, и я заявляю это вам со всей серьёзностью – если вы не позволите мне изредка приглашать к чаю друзей, я найду способ покинуть этот дом. И тогда вы не сможете отыскать меня и вернуть обратно!

Решимость в голосе матери, казалось, напугала её саму. Судя по молчанию отца, он тоже не ожидал от неё ни такого неприкрытого противодействия, ни таких мрачных в своей неопределённости угроз. Я стояла в своём укрытии, оцепенев от ужаса и представляя себе стаю гигантских птиц, которые уносят с собой мою мать, оставляя меня совершенно одну.

После недолгого молчания отец с матерью одновременно снова заспорили, но я уже не слушала их, целиком погрузившись в отчаяние. Услышав, как отец громко призывает Абигайль, приказывая ей принести наверх грелку и горячий чай с виски, я поняла, что у матери начался нервный припадок.

Проворно выбравшись из будуара, я на цыпочках пробежала по лестнице, ведущей на третий этаж, избегая рассохшихся ступеней, которые могли скрипом выдать моё местоположение. Сердце в груди колотилось, как сумасшедшее, от мысли, что мать может покинуть Хиддэн-мэнор, оставив меня одну.

Бросившись на заправленную кровать в одной из гостевых спален, где жила тётушка Мод во время своего пребывания в нашем доме, я дала волю слезам и отчаянным рыданиям, захлестнувшим меня. Затихнув через некоторое время, я свернулась калачиком среди подушек, пахнувших пылью. Когда тётушка Мод гостила в Хиддэн-мэнор, здесь витал лёгкий аромат её цветочной воды и мятного масла, но сейчас в затхлой атмосфере комнаты слышалась только тошнотворная сладкая гниль, которую распространял увядший букет полевых цветов.

Многое в разговоре между матерью и отцом, которому я была незримым свидетелем, показалось мне непонятным. Упоминание о некой сделке, воспоминания матери о том времени, когда она была незамужней девицей – всё это не вызвало у меня большого интереса. Более всего меня испугала решимость в голосе матери, когда она пригрозила отцу бегством, и неприкрытая ненависть, сквозившая в каждом её слове.

Скверные же занятия отца, о которых упомянула моя мать в пылу ссоры, с недавнего времени перестали быть для меня секретом. Большая наивность полагать, что даже в таком доме, как Хиддэн-мэнор, можно долгое время скрывать тайну от любопытного и заброшенного взрослыми ребёнка, каковым, бесспорно, я являлась в пору своего одинокого детства.

Всё началось с того, что я научилась читать. Тётушка Мод, обнаружившая в один из своих визитов, что я совсем не знаю букв алфавита, приложила немало усилий к тому, чтобы преподать мне первые уроки грамоты. Терпеливо объясняя значение букв и их сочетаний, она хвалила и поощряла меня, восхищаясь моей цепкой памятью и любознательностью. От её похвалы внутри меня начинали звенеть голоса райских птиц, отчего я старалась прикладывать ещё большие усилия в стремлении заслужить одобрение и ласку.

Отчётливо помню, как однажды во время нашего урока я так сильно рассмешила тётю Мод, что у той на глазах выступили слёзы, а из-за белоснежного надушенного платка, которым она прикрывала рот, донеслись невнятные хрюкающие звуки, вряд ли уместные для благовоспитанной леди.

Тем утром после завтрака я получила от тётушки задание прочесть вслух газетную заметку, в которой повествовалось об испытаниях огромного дирижабля «Лебоди», состоявшихся недавно во Франции. Газетная статья привела меня в сильнейшее возбуждение. Сама мысль о том, что может испытывать человек, поднимающийся в воздух и взирающий на бренную землю с высоты птичьего полёта, вызвала у меня восторг, граничащий с почти религиозным трепетом.

Не сдержав эмоций, я с благоговением и одновременно решимостью произнесла:

– Когда-нибудь я тоже обязательно стану испытателем и поднимусь высоко в воздух, как эти смелые джентльмены. Стану самым знаменитым испытателем! И обо мне тоже напишут в газете! А сверху я увижу и океан, и Францию, и пролив…

Приступ гомерического смеха тётушки Мод прервал мою маленькую речь, вызванную искренним восторгом перед неутолимостью человеческой жажды свершений, но так велика была моя любовь к ней, что я не ощутила в своей душе обиды, а только недоумение.

Ослабев от смеха и промокнув уголки глаз платком, тётушка Мод выпрямила спину и, ласковым жестом поправив мои растрепавшиеся волосы, произнесла чуть охрипшим голосом:

– Ты такая забавная малышка, Маргарет! Но, прошу тебя, не высказывай подобных идей при других людях. Они могут счесть это не совсем приличным, что может выставить тебя в крайне дурном свете. Путешествиями, испытаниями и исследовательской работой занимаются только джентльмены. Благонравные леди с хорошими манерами не думают о таких вещах. И тем более не выказывают подобных намерений вслух. Особенно, принимая во внимание все прочие условия…

О «прочих условиях» я тогда знать не могла, но случай этот крепко врезался в память, заронив в моей душе зерно, всходы которого много лет спустя уже не вызвали у тётушки Мод такого добродушного смеха.

Чтение же открыло для меня целый мир, ничуть не менее привлекательный и захватывающий, чем прогулки по вересковым пустошам с маленькими мохнатыми пони в качестве спутников или воображаемые поединки и игры в высоких залах отцовского поместья. Моя бурная фантазия, доселе ограниченная границами Хиддэн-мэнор и близлежащих земель, теперь переносила меня сквозь время и пространство с той же лёгкостью, с какой обычные люди открывают дверь.

Книги и стали для меня той дверью, за которой скрывался необъятный мир, полный и величайших чудес, и чудовищных ужасов. В сыром зале библиотеки поместья находилось множество книг, но многие из них пребывали в таком плачевном состоянии, что прочесть их не представлялось возможным. Пятна плесени, сырые и склеенные между собой страницы, размокшие переплёты – всё это являло собой крайне печальное зрелище. Тем не менее я отыскивала наименее пострадавших от неправильного хранения бедолаг и позволяла им унести меня прочь из нашего невесёлого дома, впитывая, как губка, все истории, которые они хотели поведать мне.

Не всё из написанного было понятным, смысл многих слов оставался таинственным даже после прочтения книги целиком, но я наслаждалась уже одним тем фактом, что книги давали мне возможность преодолевать границы собственного тела, будто в игре в призрака.

Теперь у меня появилась ещё одна причина с нетерпением ожидать приезда в Хиддэн-мэнор тётушки Мод и кузины Элизабет, которые непременно привозили в подарок для меня новые книги, упоительно и чуть едко пахнувшие свежей типографской краской. Навсегда в моём сердце осталась любовь к восхитительным и местами абсурдным приключениям Алисы, а также к невероятным поискам сокровищ юного Джима Хокинса.

Вскоре наступил день, когда неуёмное любопытство толкнуло меня на то, чтобы неосторожно открыть дверь, которую лучше было бы не отпирать.

Мне, как и всем живущим в Хиддэн-мэнор, пришлось усвоить главное правило – никому, ни под каким предлогом не дозволялось беспокоить отца в его таинственных занятиях, которым он предавался в подвалах северного крыла поместья. Это место находилось довольно далеко от жилой части дома (если не знать потайного хода, начинающегося в библиотеке), и производило гнетущее впечатление.

Северное крыло Хиддэн-мэнор не подвергалось ремонту уже несколько столетий, а близость густого леса и протекающая под зданием дома подземная река были причиной высокой влажности, не лучшим образом воздействующей на каменную кладку и дубовые панели внутренней отделки.

Слуги, да и местный люд, как я узнала позже, старались избегать этой части поместья, втихомолку рассказывая всякие небылицы о том, что там происходит. Молоденькие горничные, выпучивая от ужаса глаза и округляя рты, иногда шушукались с нашей кухаркой миссис Дин о том, чем же занимается отец в подвалах Хиддэн-мэнор. С детства прислушиваясь к их болтовне, я уяснила для себя, что отец занимается чем-то недозволенным, чем-то таким, о чём не принято говорить открыто.

Помню, что однажды моя мать, спустившись в столовую к обеденной трапезе и находясь в том состоянии, когда ею овладевало лихорадочное возбуждение, неожиданно вскинула раскосые шальные глаза на отца и истерически выкрикнула:

– Ну, что? У вас получилось? Вызвали, наконец, своего дьявола?

Отец тогда вздрогнул, как человек, которого застали на месте преступления, и резким голосом приказал нянюшке Бейкер увести меня в детскую, а слугам покинуть столовую.

Потайной ход, ведущий из библиотеки в северное крыло здания, прямиком к толстой заржавленной двери подвала, я обнаружила случайным образом. Мрачный зев представшего передо мной туннеля вызвал в моей душе неутолимую страсть к исследованию, затмившую страх и доводы разума. Трепеща, я шагнула в туннель с горящей свечой в руке. Трудно вспомнить, что я ожидала увидеть в конце своего пути, но само путешествие через недра поместья, отсыревшие стены, слабый, еле слышный плеск воды где-то под

ногами и неизвестность, ожидающая меня впереди, – заставили моё сердце биться в ритме бешеной скачки.

Мне казалось, что время замедлило свой бег, таким однообразным был потайной ход на протяжении всего пути. Подол моего платья отсырел и липнул к ногам, вызывая неприятное ощущение, будто кто-то невидимый хватает меня за щиколотки, намереваясь остановить. Иногда на голову с потолка падала ледяная капля, что заставляло меня вздрагивать всякий раз, как это происходило.

Наконец, передо мной возникла дверь, покрытая ржавчиной. Поколебавшись всего лишь мгновение, я наудачу толкнула её. Дверь поддалась, заставив меня ещё сильнее затрепетать от любопытства в ожидании того, что я могла обнаружить и где оказаться.

На середине дверь застопорило, будто полностью распахнуться ей мешала какая-то преграда, и тогда я протиснулась в образовавшуюся щель, торопясь быстрее проникнуть внутрь.

Оглядевшись, я пришла в недоумение. Комната, в которой я оказалась, вся была уставлена массивными книжными шкафами, стоявшими вдоль стен. Во избежание тлетворного влияния сырости стены были обиты тонкой жестью. Сквозь маленькие окошки, расположенные под потолком, в комнату проникали тусклые лучи заходящего солнца, заставляющие золочёные корешки фолиантов загадочно мерцать.

«Я отыскала секретную библиотеку!», – подумала я, и от восторга чуть не захлопала в ладоши. Поставив свечу на стол, стоявший в углу таинственной комнаты, я кинулась к ближайшему шкафу и распахнула его створки. Бережно вытащив первую книгу, я сдула с неё толстый слой пыли и громко расчихалась, после чего замерла в испуге.

Книга была в порыжевшем от времени кожаном переплёте, и я сразу же поняла, что она очень старая, намного старше тех изданий, которые находились в библиотеке поместья и попадали ко мне в руки ранее. Страницы в ней были покрыты пятнами, из-за которых причудливая вязь текста кое-где не поддавалась расшифровке. Книга изобиловала иллюстрациями, поблёкшими от времени и изображающими странных животных и птиц, а на переплёте было

вытиснено незнакомое мне слово «Бестиарий».

Стремясь удовлетворить терзающее меня любопытство, я бережно доставала книги с полок, не замечая, что паутина и пыль оседают на моих волосах, и с возрастающим удивлением рассматривала замысловатые картинки, пытаясь выяснить, для чего эти книги предназначены. Почти все они были на незнакомом мне языке, а едва различимые таинственные значки на полях и вовсе были мне непонятны.

Бережно вернув эти странные книги на полку, я перешла к следующему шкафу и была вознаграждена – в нём находились книги, пребывавшие в значительно лучшем состоянии и написанные на понятном мне языке, хотя и содержащие массу незнакомых слов.

Даже их названия ничего мне не говорили: «Библиотека химических диковин», «Правомерность Спагирического Искусства Иоганна Тритемия», «Трактат Парацельса», «Гептамерон», «Философский огонь».

Сокрытый в этих книгах смысл странным образом взволновал меня, я как одержимая продолжала рассматривать затейливые рисунки и прочитывать вслух названия, вытисненные на переплётах, в надежде, что если приложу ещё немного усилий, то смогу проникнуть в предназначение каждой из них. Большинство этих сочинений были рукописными и от сырости, царившей в помещении, чернила растеклись неряшливыми кляксами. Многие содержали иллюстрации, от которых меня начала бить нервная дрожь. Два рисунка по-настоящему, до трясущихся коленок, испугали меня.

На одном был искусно нарисован привязанный к широкой доске человек, из разрезанного живота которого господин неприятной наружности доставал нечто отвратительное на вид. На втором же было изображено непонятное существо, одновременно походившее и на человека, и на птицу. У него был длинный угрожающий клюв, неестественно большие круглые глаза и огромные чёрные лапы вместо рук. Одето существо было в свободную хламиду, под которой, как мне показалось, скрывались мощные крылья.

Быстро захлопнув страшную книгу, я вернула её в шкаф и почему-то ощутила приступ дурноты. Прислонившись лбом к прохладной поверхности шкафа, я так сильно погрузилась в собственные ощущения, что не сразу увидела, как за моей

спиной вдруг выросла большая тёмная тень. Почувствовав лёгкое дуновение на шее, я оцепенела от ужаса, а когда мне на плечо легла чья-то ледяная рука, отчаянный крик вырвался из моего горла и заметался по комнате.

Позже, когда я успокоилась, встревоженный моим испугом отец взял с меня обещание никогда больше не проникать в это помещение через потайной ход. Я, не колеблясь, заверила его в этом, изо всех сил стараясь забыть увиденные неприятные картинки, но именно с той поры мне начал сниться один и тот же повторяющийся сон, в котором сплелись воедино реальность и вымысел.

Глава 4

В день, когда между моими родителями разразилась та отвратительная ссора, я ожидала, что мать проведёт несколько дней в постели, как это бывало обычно. Но к вечеру она спустилась в столовую умытая, причёсанная и с лихорадочным блеском в глазах. Тогда мне стало понятно, что она выиграла эту схватку, и что отец боится потерять её так же отчаянно, как и я.

Во время обеденной трапезы с лица матери не сходило упрямое выражение, отец же ел в полном молчании, не поднимая глаз. Гнетущую обстановку в столовой нарушало только сопение простуженной Абигайль, прислуживавшей нам за столом.

Когда отец, не дождавшись десерта, покинул нас, мать заметно повеселела и, порывисто протянув руку, прикоснулась к моей щеке.

– Сегодня у нас будут гости, Маргарет, – заговорщически прошептала она, торжествующе улыбаясь. – Многие из них уже знают о твоих невероятных способностях. Остальным же не терпится увидеть тебя воочию. Ты ведь не подведёшь меня?

В голосе её одновременно слышались и мольба, и настойчивость. Мне не оставалось ничего другого, как согласно кивнуть, но тягостное и неприятное чувство вызвало у меня ощущение горечи во рту, а в животе возникли мучительные спазмы. Признаться честно, мне страстно хотелось, чтобы отец

своей властью запретил гостям матери посещать наш дом. Мне не нравились ни сами посетители, ни лихорадочное возбуждение, которое всё больше овладевало матерью из-за этих сборищ.

Я еле дождалась окончания обеда, наскоро проглотив десерт и даже не почувствовав вкус фруктового пудинга, который был коронным блюдом миссис Дин. Улизнув из-за стола, я тихонько, как мышь, спустилась по чёрной лестнице в кухню и, увидев, как нагружают подносы чайной посудой, убедилась в том, что мать ожидает гостей.

Скрывшись за дверью кладовой, я некоторое время подслушивала перебранку миссис Дин с младшей горничной Мэри в надежде узнать что-нибудь любопытное, но они болтали о неизвестной мне Сьюзен, которую, по их словам, ожидали крупные неприятности из-за того, что она была слишком неосмотрительна и сушила нижнее бельё на сквозняке. Вскоре, ничего не понимая в этой беседе, я соскучилась и выдала себя неосторожным движением, отчего с полки упала корзинка со свежими яйцами.

Не успев скрыться, я была застигнута на месте преступления миссис Дин и уже приготовилась выслушать строгую отповедь, как на лестнице раздался грозный окрик нянюшки Бейкер, немедленно призывающей меня к себе. Как можно неспешнее я поднялась к ней, нарочито медленно переставляя ноги, и была тут же схвачена её цепкой рукой.

Пока няня причёсывала мои непослушные волосы, грубо прохаживаясь по ним щёткой в отместку за мою демонстративную медлительность на лестнице, я пыталась расспросить её о прибывающих гостях, но она упрямо сжала тонкие губы и отказалась отвечать на вопросы. Судя по недовольному лицу, няня Бейкер не одобряла готовящееся мероприятие, о чём недвусмысленно свидетельствовал весь её нахмуренный облик.

Она проводила меня в малую гостиную и тут же исчезла, а я, поражённая увиденным, неподвижно застыла в дверном проёме. Все портьеры на окнах были наглухо задёрнуты, комната освещалась только свечами, в изобилии расставленными по всем свободным поверхностям. Откуда-то дул сквозняк и колеблющееся пламя свечей отбрасывало на стены уродливые тени, похожие на водоросли, шевелящиеся на дне мутной реки.

В этом неверном свете я увидела круглый стол, за которым находилось не менее десяти человек. Здесь были и джентльмены, и дамы, и усатая леди, запомнившаяся мне своими красными натруженными руками. Все они были страстно увлечены разговором, который вели полушёпотом, как будто опасались разбудить спящего рядом человека. Рядом с матерью стоял, нависая над ней, полный господин с неряшливыми бакенбардами, а она внимательно слушала его, беспомощным жестом прижав обе руки к горлу.

Для своего возраста я была невелика ростом и крайне тщедушна, поэтому в полумраке гостиной меня заметили не сразу, и я успела услышать несколько фраз, поразивших меня своим туманным и одновременно угрожающим смыслом.

– А я заявляю вам со всей ответственностью, миссис Кинтор, что добиваться непосредственного появления духа во время первого сеанса небезопасно! И для начинающего спирита, и для присутствующих! – отчаянно кипятилась бледная леди с широкими и неестественно чёрными бровями.

– Да будет вам, мисс Юджини, это не первый сеанс для нашего медиума, – успокоительно похлопала её по руке усатая леди. – Малышка Маргарет наделена поистине великими способностями. Вы непременно убедитесь в этом сегодняшним вечером.

Я поняла, что они вели беседу обо мне, и поспешила пробраться к матери, неловко задев в полумраке её соседку, худенькую леди в траурном платье.

От моего неуклюжего прикосновения та резко вздрогнула и вскинула на меня огромные печальные глаза. Её нижняя губа подрагивала, будто от сдерживаемых рыданий. Пристально уставившись на меня, грустная леди вдруг схватила мою руку, прижала к щеке и принялась сбивчиво благодарить громким шёпотом:

– О, милая Маргарет, я так счастлива, что ты согласилась! У тебя золотое сердце, дитя! Ты даруешь несчастным пленникам юдоли земной утешение и…

Дослушать я не успела, потому что в этот момент меня подняли в воздух чьи-то сильные руки, а потом я оказалась подле матери. Худенькая леди всё-таки расплакалась, не совладав с собой, и её принялись утешать две остроносые дамы в одинаковых шляпках, предлагая той поочерёдно капельку бренди,

нюхательную соль и апельсиновую воду.

Это незначительное происшествие чрезвычайно взволновало меня, но моя мать, заметив испуганный взгляд, которым я окинула присутствующих, улыбнулась искренней и светлой улыбкой, прошептав чуть слышно:

– Маргарет, дорогая, тебе нечего бояться. Благодаря твоему великому дару эти люди сегодня получат утешение, которое им так необходимо. Ты и не представляешь, как я счастлива иметь такую дочь, как ты!

С этими словами она склонилась ко мне и запечатлела лёгкий поцелуй на моей щеке, а затем порывисто обняла, прижав к себе так крепко, что я услышала стук её сердца. В ту же минуту меня затопила жаркая волна счастья, будто пылающий огонь пробежал по моим венам. Никогда ещё мать не была так обходительна со мной, и от её ласковых и нежных слов, обращённых ко мне, я ощутила великое воодушевление и решимость выполнить всё, что она мне прикажет.

К этому моменту общий разговор стих и в гостиной воцарилась напряжённая тишина, полная ожидания. Странные люди, собравшиеся в гостиной Хиддэн-мэнор, больше не пугали меня, и я молча наблюдала за тем, как они беспорядочно перемещаются вокруг стола, подчиняясь сумбурным приказам усатой леди.

Вскоре все расселись так, как им указала миссис Кинтор, и обнаружилось, что моё место находится рядом с ней. Мать послала мне через стол ободряющую улыбку, и я покорно опустилась на предназначенный для меня стул.

Только сейчас я заметила, что на столе лежит круг, вырезанный из бумаги, с нанесёнными на него буквами, в центре которого стоит фарфоровое блюдце. В полном молчании все присутствующие дружно взялись за руки и прикрыли глаза.

С одной стороны меня держала за руку усатая леди, а с другой – седовласый джентльмен с обветренным лицом и очень прямой спиной. Его ладонь показалась мне шершавой, словно древесная кора.

Не совсем понимая, что последует дальше, я тоже закрыла глаза и услышала шёпот миссис Кинтор, обращённый ко мне:

– Маргарет, ты должна сосредоточиться. Как тогда, когда призвала Белую Леди. Мы все поможем тебе. Помни, что сейчас ты находишься в кругу друзей и можешь дать волю своим способностям.

Подглядывая из-под ресниц я видела, как лица людей, сидящих за столом, серьёзны и напряжены в ожидании чего-то, что должно было вот-вот произойти. То ли от сквозняка, то ли из-за общей напряжённой атмосферы, царившей в комнате, но я и вправду ощутила легчайшее дуновение прохладного воздуха совсем рядом со своей шеей. В этот момент раздался явственный скрип двери, отчего худенькая леди в траурном платье издала слабый вскрик.

Содрогнувшись, я открыла глаза и увидела, что все присутствующие за столом, включая мою мать, пристально смотрят на меня, а на их лицах застыло одновременно выжидательное и почтительное выражение. Будучи девятилетней, я не привыкла к такому пристальному вниманию к своей особе со стороны взрослых, но сейчас эта маленькая власть над их душами польстила мне и придала уверенности в себе.

Кто знает, что послужило причиной всему произошедшему в тот далёкий вечер? Моё разыгравшееся воображение и желание заслужить любовь матери, или неуёмная страсть присутствующих на сеансе людей к подтверждению сомнительных шарлатанских теорий? Или же в тот вечер в малой гостиной Хиддэн-мэнор и вправду произошло нечто сверхъестественное? Тем событиям минуло уже восемь лет, а я всё никак не найду ответа и на этот вопрос, и на многие другие.

Усатая миссис Кинтор, взявшая на себя руководство сеансом и его участниками, жестом пригласила всех вытянуть руки на стол и положить кончики пальцев на край фарфорового блюдца, стоявшего в середине бумажного круга с буквами.

Мне для этого пришлось скинуть туфли и взобраться на стул, встав на колени, иначе я бы не смогла дотянуться до блюдечка. От шорохов и возни, производимых мною так несвоевременно, мать нахмурила лоб и метнула на меня раздражённый взгляд.

Миссис Кинтор, легко касаясь блюдечка кончиками пальцев, произнесла нараспев:

– Дух, ты здесь?

Несколько минут совершенно ничего не происходило, все продолжали держать пальцы на весу, едва прикасаясь к перевёрнутому блюдечку. Я застыла в неудобной позе, опираясь на локти и боясь пошевелиться, чтобы не вызвать неудовольствия матери.

Вдруг блюдце под моими пальцами будто нагрелось, и в то же мгновение я ощутила, как оно начинает неуклюже поворачиваться, мелко подрагивая под руками. Все присутствующие настороженное замерли, наклонившись вперёд, а миссис Кинтор, взявшая на себя обязанность проговаривать вслух ответы духов, громким шёпотом торжественно произнесла:

– Да, дух находится здесь, в этой комнате!

Затем она вкрадчиво спросила:

– У тебя есть имя? Как зовут тебя, дух?

Всё ещё не очень веря в происходящее, я наблюдала странную картину – блюдце, без всякого зримого участия со стороны присутствующих, принялось деловито двигаться в разные стороны, глухо постукивая по столу, а миссис Кинтор прерывистым от волнения голосом повторяла буквы, на которые оно указывало:

– Ка. Е. Эр. О. Эль…

– Это моя Керолайн! Моя бедная девочка, ты пришла ко мне! – громко прошептала печальная леди в траурном наряде и из её глаз тотчас же покатились слёзы.

– Миссис Питерс, спокойнее, прошу вас! – послышался чей-то сочувственный шёпот. – Вы можете испугать духа.

– О, спросите её, вспоминает ли она меня, – взволнованно молила миссис Питерс, не вытирая слёз, которые ярко блестели в колеблющемся пламени свечей.

В этот раз блюдце двигалось так быстро, что я не успевала следить за буквами, на которые оно указывало.

– Мне жаль, что ты страдаешь, мамочка, – бесстрастно произносила миссис Кинтор, делая паузы между словами. – Но мне хорошо здесь. Я часто прихожу к тебе, но обычно ты меня не видишь.

– Да, я чувствовала твоё присутствие! Я знала, что ты рядом! – прошептала миссис Питерс, уставясь невидящим взглядом куда-то в сторону камина. На щеках её алели два ярких пятна.

В этот момент произошла необъяснимая вещь – блюдце хаотично заметалось под нашими руками, выстукивая по столу какую-то отчаянную мелодию.

– Мы сейчас же должны отпустить её! – громко прошептала миссис Кинтор. – Повторяйте за мной: «Дух Керолайн Питерс, прощай! Мы отпускаем тебя!».

Все принялись повторять на разные лады эту фразу, а миссис Питерс достала из ридикюля чёрный платок и начала обильно орошать его слезами, судорожно вздрагивая и изо всех сил сдерживая рыдания.

Наконец блюдце успокоилось, все замолкли и даже несчастная мать, потерявшая горячо любимую дочь, притихла на стуле, прикрыв воспалённые глаза. Мне на миг стало любопытно, была бы моя мать также безутешна, доведись ей потерять меня? Но, взглянув на её встревоженное бледное лицо, я тут же устыдилась собственных гадких мыслей.

По изумлённым лицам некоторых джентльменов я поняла, что они, как и я, не ожидали подобного развития событий. Один из них, думая, что этого никто не видит, осторожно протянул руку и ощупал столешницу изнутри.

Следующим духом, с которым нам довелось пообщаться, был безвременно почивший сэр Джеймс Осборн, приходившийся отцом двум остроносым леди, носившим одинаковые шляпки. Посредством сеанса они хотели выразить отцу

свою неугасимую любовь и преданность, и также испросить благословения на брак с двумя молодыми людьми, приходившимися друг другу братьями. Дух сэра Осборна выразился на этот счёт довольно туманно, но молодые леди все равно обменялись ликующими улыбками, после чего отпустили его восвояси.

Происходившее в малой гостиной настолько захватило меня, что я потеряла ощущение времени. Приглядевшись к оплавленным свечам, можно было сделать вывод, что сеанс длится уже больше двух часов и напряжение, в котором я пребывала с самого начала вечера, стало снижаться. Уверенная сила, двигавшая блюдцем, перестала пугать и тревожить меня, но природа её оставалась по-прежнему таинственной и непонятной.

Пока все настраивались для вызова следующего духа, я улучила момент и, открыв глаза, взглянула на мать, сидящую напротив. Её бледность и беспокойный вид поразили меня до глубины души. Грудь её вздымалась столь часто, как будто она бегом поднялась по парадной лестнице в туго затянутом корсете, а на виске учащённо билась голубая жилка, как всегда бывало у неё при сильном волнении. На верхней губе появились крошечные капельки пота, хотя в комнате было довольно прохладно, и мне показалось, что она сию минуту может лишиться чувств.

Когда все открыли глаза и протянули руки к блюдцу, я послала матери сочувственный взгляд, пытаясь ободрить её, но в этот момент она одними губами повелительно прошептала что-то, предназначавшееся миссис Кинтор.

Я увидела, что та кивнула матери, отчего рыхлый подбородок усатой леди неприятно заколыхался, а потом негромко проговорила серьёзным тоном:

– Я могу поздравить всех присутствующих. С помощью нашего проводника мы достигли необходимой концентрации энергии. Это позволит нам вызвать дух определённого человека.

Миссис Кинтор обвела всех взглядом, чуть задержавшись на бледном до синевы, как снятое молоко, лице моей матери, и обратилась с вопросительной интонацией к джентльмену с неряшливыми бакенбардами:

– Мистер Кэмпбелл? У вас, помнится, имелось особое пожелание. Вы хотели пообщаться с духом некой…

Она замялась, нахмурив лоб в попытках вспомнить имя, но мистер Кэмпбелл услужливо пришёл ей на помощь:

– С духом Дейзи Хармон. Дело в том, что я вёл это дело в тысяча восемьсот девяносто втором году…

– Ш-ш! – властно прервала его миссис Кинтор и джентльмен послушно умолк. – Нам ни к чему объяснения, мы должны лишь всей душой пожелать вызвать дух несчастной девушки. Призвать её в эту комнату. Дейзи Хармон, приди к нам!

Голос миссис Кинтор звучал глухо, будто она опустила голову в пустую бочку, и все тут же принялись повторять её последнюю фразу: «Дейзи Хармон, приди к нам!».

При свечах, среди теней, колышущихся на стенах, под монотонный бубнёж присутствующих, я принялась повторять вслед за ними зловещий призыв, но, как только я произнесла первое слово, ведущая сделала всем какой-то знак, и они умолкли. Мне же она прошептала на ухо, обдав несвежим дыханием:

– Маргарет, прошу тебя, не умолкай ни на секунду!

Я, повинуясь её властной просьбе, продолжила повторять ломким от смущения и страха голосом: «Дейзи Хармон, приди к нам!».

Неожиданно, в тот момент, когда я умолкла, набирая в грудь воздуха, блюдце под моими руками резко дёрнулось и я вновь ощутила странное тепло, пронизывающее кончики пальцев. Миссис Кинтор вздрогнула и бросила на меня странный взгляд, значение которого я не смогла правильно истолковать. Мистер Кэмпбелл же порывисто подался вперёд и прошептал, просительно глядя на ведущую:

– Она… То есть дух Дейзи здесь? В этой комнате?

Миссис Кинтор кивнула и, вновь искоса на меня посмотрев, спросила:

– Дух Дейзи Хармон, мы приветствуем тебя. Ты действительно здесь? В этой комнате?

Блюдце хаотично задёргалось, а потом уверенно повернулось тонкой линией, начертанной на его боку, к сектору бумажного круга со словом «Да».

– Спрашивайте, чего вам надобно, долго удерживать мы её не смогём, – прошептала миссис Кинтор, почему-то сорвавшись на простонародный выговор, присущий людям низкого происхождения.

Джентльмен сосредоточенно уставился на собственные пальцы и уверенно спросил:

– Дейзи, как ты умерла?

– Не спрашивайте её об этом! – тут же зашипела миссис Кинтор, – Духи огорчаются от таких вопросов.

Тем не менее блюдце принялось выбивать по столу слабую дробь, а затем указало на первые начальные буквы слова «убийство». Несколько дам негромко ахнули, а мистер Кэмпбелл задал следующий вопрос:

– Дейзи, ты видела лицо своего убийцы?

Сейчас же за столом воцарилась такая напряжённая атмосфера, что блюдце буквальным образом затряслось в бешеной пляске, беспорядочно вращаясь в разные стороны, пока не замерло, указывая на сектор «Да».

Я ощутила, как пальцы мистера Кэмпбелла задрожали, но голос, когда он задавал следующий вопрос, был по-прежнему повелителен и твёрд:

– Дейзи, назови нам имя своего убийцы!

С минуту блюдце мелко подрагивало под нашими руками, а потом медленно, будто нехотя, принялось указывать на буквы, которые миссис Кинтор произносила бесстрастным голосом:

– Эр. О. Дэ. Же. Е. Эр.

Спустя секунду после того, как имя убийцы было произнесено вслух, началось невообразимое: блюдце принялось практически летать по бумажному кругу, указывая на все буквы подряд, а общее волнение, воцарившееся за столом среди присутствующих, достигло своего пика.

Леди, которая потеряла маленькую Керолайн, зашлась в приступе кашля и начала дышать с тонким, но вполне различимым свистом, а пятна на её щеках поменяли свой цвет с алого на пунцовый. Только мою мать, казалось, не затронуло происходившее вокруг неё, так сильно она была погружена в собственные мысли.

Миссис Кинтор, пытаясь взять ситуацию под контроль, приказала встревоженным тоном:

– Уберите руки от блюдца все, кроме Маргарет!

После этого она прошептала мне на ухо: «Скажи духу Дейзи, что мы отпускаем её!».

Странно, но когда все, кроме меня и миссис Кинтор, убрали руки, блюдце почти в ту же минуту завершило свою безумную пляску и послушно улеглось под нашими пальцами. В хаотичной суете, которая поднялась за столом после разоблачения убийцы, мой слабый лепет: «Дейзи Хармон, мы отпускаем тебя!» остался никем не замеченным.

Мистер Кэмпбелл сидел с ошеломлённым лицом, уставившись в пустоту, и щипал свои бакенбарды, при этом невнятно бормоча что-то себе под нос и не отвечая на обращённые к нему вопросы. Несколько дам пришли в чрезвычайное возбуждение и принялись перешёптываться, прикрывая рты ладошками, а у миссис Питерс вновь начался приступ мучительного кашля. Моя мать во всей этой суматохе оставалась по-прежнему напряжённой, будто кошка перед мышиной норой, даже зрачки её широко распахнутых глаз были почти неподвижны.

Спустя несколько минут миссис Кинтор призвала всех к порядку и предложила продолжить сеанс.

– У нас осталось ещё одно незавершённое дело, – с лёгкой неуверенностью в голосе произнесла она и посмотрела на мою мать, отчего та внезапно ожила и придвинулась ближе к столу. Лицо матери приняло умоляющее и жалкое выражение, так не шедшее её гордым чертам, а нездоровая бледность сменилась румянцем.

Все послушно взялись за руки и закрыли глаза, а миссис Кинтор громко прошептала, адресуя вопрос моей матери:

– Чей дух вы хотите вызвать?

– Его звали Ричард Фергюсон, – срывающимся голосом ответила моя мать, и я привычно, но как-то отстранённо подумала, что она близка к нервному припадку.

Миссис Кинтор начала тяжело вздыхать и произносить с паузами: «Дух Ричарда Фергюсона, приди к нам!». Все присутствующие вновь, как заклинание, принялись повторять за ней эту фразу, а потом она опять приказала всем умолкнуть, прошептав мне на ухо: «Продолжай!».

Пока я повторяла незнакомое мне имя, мать шевелила губами вслед за мной, не останавливаясь ни на минуту и пристально глядя мне в глаза.

Снова я ощутила лёгкое дуновение возле себя, а потом миссис Кинтор дотронулась кончиками пальцев до блюдечка, сделав нам с матерью безмолвный знак последовать её примеру. Остальные участники сеанса сидели, положив руки на колени и внимательно наблюдая за нами.

В этот раз блюдце долгое время оставалось неподвижным, отчего мать принялась кидать на миссис Кинтор вопросительные взгляды, заставлявшие ту заметно нервничать. Вскоре я ощутила слабый, но настойчивый толчок блюдца с её стороны и попыталась расслабить руки, чтобы не стать помехой его движению. Однако сразу после этого блюдце будто подпрыгнуло в воздух, отчего миссис Кинтор вскрикнула и отдёрнула руки, прижав их к трясущимся жирным щекам.

Мы с матерью оказались единственными, кто продолжал держать кончики пальцев на трепещущем блюдце, и этот момент почему-то остался в моей

памяти навсегда. Кончики её холодных пальцев, тёмные, чуть раскосые глаза, выбившаяся из причёски волнистая прядь… Прошло восемь лет, а я вижу эту картину так же отчётливо, как и в тот вечер.

– Дух Ричарда Фергюсона, ты здесь? – робко задала вопрос миссис Кинтор, с которой по неизвестной причине слетела уверенность и авторитетность.

Блюдце дёрнулось и указало на сектор со словом «Нет». Мать удивлённо подняла брови и посмотрела на ведущую, ожидая объяснений. Миссис Кинтор закусила нижнюю губу, решительно протянула руки к блюдцу и задала другой вопрос:

– Кто ты, дух? Назови нам своё имя!

Теперь она смотрела на блюдце с опаской и недоверием, а когда оно принялось подёргиваться под нашими руками, резко выдохнула и прикрыла глаза, будто не хотела этого видеть.

Тем временем блюдце двигалось, указывая на буквы, складывающееся в имя, и когда миссис Кинтор произнесла его, моя мать не смогла сдержать возглас изумления.

– Эмили Фергюсон. Это дух Эмили Фергюсон, – ещё раз сказала ведущая. – Вы знаете кого-нибудь с таким именем?

Мать ответила, не глядя на неё, продолжая следить взглядом за блюдцем:

– Это его сестра. Она умерла десять лет назад, в тысяча восемьсот девяносто четвёртом году.

Тут она вскинула голову вверх, будто надеялась застать дух Эмили распластавшимся на потолке, и спросила:

– Где дух Ричарда? Почему ты пришла вместо него?

Блюдце тотчас заплясало, выстукивая ответ, и миссис Кинтор прочитала вслух:

– Его здесь нет.

Я совершенно ничего не понимала в происходящем, только продолжала следить за движениями блюдца и поглядывать на мать, приходившую всё в большее возбуждение.

– И что это может означать? – спросила она дрогнувшим голосом.

Миссис Кинтор как-то растерянно повела плечами и несмело предположила:

– Может быть, это означает, что его нет в мире мёртвых? То есть…Он жив?

– Жив?.. – переспросила мать и посмотрела вокруг каким-то диким взглядом.

После этого она обмякла на стуле и попросила, с видимым трудом двигая побледневшими губами:

– Умоляю! Спросите её!..

Миссис Кинтор глухо откашлялась и прошептала:

– Дух Эмили Фергюсон, ответь нам! Ричард Фергюсон жив?

Атмосфера в комнате преисполнилась тревогой. Все участники сеанса замерли и с одинаковыми выражениями на лицах уставились на середину стола, а блюдце начало невыносимо медленно двигаться. Наконец оно остановилось, указывая на сектор «Да».

Лицо матери приняло, казалось, полубезумное выражение, всё её тело охватила дрожь. Отдёрнув руки от блюдца, она прижала раскрытые ладони к лицу, выкрикивая что-то неразборчивое, одновременно и плача, и смеясь.

В это время по комнате словно пронёсся мощный сквозняк, от которого затрепетало пламя свечей и на стенах заплясали грозные тени. Когда больше половины свечей погасло, леди в одинаковых шляпках вскрикнули и вскочили на ноги, а кто-то из джентльменов, кажется, это был мистер Кэмпбелл, начал отчаянно дёргать за сонетку, вызывая прислугу.

Я была донельзя встревожена состоянием матери, а кроме того, пребывала в растерянности из-за странных событий этого вечера, поэтому наблюдала за происходящим так безучастно, будто спала и видела сон наяву.

Никто из присутствующих не обращал на меня внимание. Когда горничные Абигайль и Мэри вошли в комнату, то, сразу разобравшись в ситуации, увели рыдающую мать, шёпотом споря о том, нужно ли сообщать о происшествии мистеру Вордсворту. Гости матери, чрезвычайно взбудораженные, начали расходиться, стараясь не смотреть друг на друга.

Я обратила внимание – перед тем, как покинуть комнату, они подходили к миссис Кинтор и что-то вкладывали в её раскрытую ладонь, благодаря кивком или поклоном. Она покинула гостиную последней, бросив на меня встревоженный взгляд исподлобья.

Глава 5

После того как мать увели наверх и послали за доктором, а гости в спешном порядке покинули Хиддэн-мэнор, я на какое-то время оказалась предоставлена самой себе. Забравшись с ногами на диван, стоящий возле потухшего камина, я не могла оторвать взгляд от оплывающих свечей, радуясь своему уединению и возможности обдумать то, что произошло этим вечером.

Ричард и Эмили Фергюсон… Я могла поклясться, что никогда ранее не слышала от матери упоминаний об этих людях. Кто они и кем приходятся моей матери? Почему её так взволновало известие о том, что Ричард Фергюсон жив? Какие эмоции скрывались за последующим после этого нервным припадком – смертельный испуг, отчаяние или невероятная радость?

Эти мысли вихрем проносились в моей голове, пока я совершенно неподвижно сидела в полумраке, за границей света, который давало колеблющееся пламя свечей. Перед моим внутренним взором стояло потрясённое лицо матери, когда она, не веря своим ушам, бледными губами прошептала: «Жив?..», и её глаза превратились в два бездонных колодца, на дне которых заплескалось безумие? Радость?

Я поймала себя на мысли, что ни я, ни мой отец никогда не вызывали у моей матери таких ярких эмоций, и этот факт заставил меня испытывать к неизвестному Ричарду Фергюсону глухую неприязнь. В тот момент таинственный незнакомец представлялся кем-то вроде мошенника и злодея, который собирался похитить законно причитающиеся мне крупицы материнского внимания и заботы.

Комкая подол платья и отрывая от него в бессознательной ярости ветхую тесьму, я не сразу услышала шаркающие шаги нянюшки Бейкер, которая вошла в малую гостиную с недовольным и встревоженным выражением на лице. Порыв сквозняка из-за открытой двери тотчас же погасил бо?льшую часть свечей, отчего няня громко вскрикнула и тут же разразилась неразборчивой бранью.

Опасаясь разгневать нянюшку ещё сильнее, я предпочла не заставлять её искать меня по всему дому (няня Бейкер обычно не успокаивалась, пока не отыскивала свою воспитанницу), и вышла ей навстречу из темноты. Моё бесшумное появление заставило её вздрогнуть и ещё раз вскрикнуть, прикрыв рот ладонью.

– Мисс Маргарет, до чего вы бледная! Как привидение, ей-богу! Что же вы в кухню-то не спустились? Тут холодина, как в склепе, – она зябко поёжилась и плотнее закуталась в тёплую накидку, а затем подошла ко мне и взяла за руку, уводя из гостиной, в которой я, как выяснилось позже, просидела в одиночестве более трёх часов.

Напоив меня горячим питьём, няня Бейкер, обычно скупая на доброе слово, с непривычной заботой принесла грелку, наполненную горячей водой, и подоткнула моё одеяло. От тепла и горячего напитка с резким запахом и непривычным вкусом мои глаза начали закрываться сами собой, едва я уронила голову на подушку. Последнее, что я услышала в тот вечер, было злобное ворчание няни, обращённое к кому-то, кого она называла «малахольной».

В ту ночь я дурно спала, то и дело просыпаясь в холодном, липком поту, после чего вновь погружалась в тяжкое забытьё. Меня преследовали странные, размытые образы, вмещающие в себя все мои детские страхи. Тут был и бородатый человек на деревянной ноге, однажды погнавшийся за мной по безлюдной Окгемптонской дороге, и бродяга с уродливой гноившейся раной на месте левого глаза, просивший подаяния на весенней ярмарке.

Вспомнилась мне и огромная свиная голова на жестяном поддоне, которую я увидела как-то раз в кухне, войдя туда с намерением напиться свежих сливок. Голова с дерзким вызовом смотрела на вошедшего в кухню, а с края поддона прямо на пол тонкой струйкой стекала свежая кровь, собиравшаяся в блестящую лужу.

Но всё-таки самым пугающим кошмаром была гигантская птица с длинным клювом и огромными круглыми глазами, которую я однажды увидела на рисунке в старинной книге. Даже сейчас этот образ преследует меня с неослабевающей силой, лишая воли и всяких рациональных мыслей. Тогда же, во времена моего детства, облик этой чудовищной в своём безобразии фигуры внушал мне поистине смертельный ужас, справиться с которым я не находила в себе достаточных сил.

Из-за кошмарных и изнуряющих сновидений я проснулась на следующее утро разбитая и обессиленная. Не дожидаясь няню Бейкер, которая иногда причёсывала меня и помогала одеваться, я кое-как справилась с утренним туалетом самостоятельно и поспешила спуститься в столовую.

К моему удивлению, я застала внизу отца, давно закончившего завтракать, о чём свидетельствовали пустые тарелки, отодвинутые на край стола.

Не зная ничего о том, что могло быть ему известно о событиях вчерашнего вечера, я всё же решила сдержать обещание, данное матери, и попытаться сохранить её тайну, чего бы мне это не стоило.

После ночи, изобилующей кошмарными сновидениями, я не испытывала аппетита, но отец положил на мою тарелку целую гору снеди и заставил взять ложку и приняться за еду. Перед этим он заинтриговал меня, сообщив нарочито равнодушным тоном, что на кухне меня ожидает гость, которого я смогу принять только тогда, когда расправлюсь со своим завтраком.

Обычно немногословный, за столом отец частенько так глубоко погружался в собственные мысли, что иногда откладывал столовые приборы в сторону и начинал бормотать себе под нос нечто неразборчивое, параллельно с этим ведя записи в объёмной книге, которую всюду носил с собой.

Сегодня же он уделял мне повышенное внимание, к которому я не привыкла. Вопреки ожиданиям, про вчерашний вечер им не было сказано ни слова.

Терзаясь в догадках, кто же мог этим сумрачным утром пожаловать ко мне с визитом, я рассеянно отвечала на вопросы отца, размазывая остывшую овсянку по тарелке и стараясь не смотреть ему в лицо. Помню, что главным образом он интересовался моим привычным времяпрепровождением и любимыми книгами, которые я предпочитала остальным.

Наконец я расправилась с большей частью содержимого своей тарелки и нетерпеливо заёрзала на стуле, дожидаясь позволения покинуть столовую.

Суровое лицо отца озарилось скупой улыбкой (что можно было наблюдать крайне редко, особенно по отношению ко мне), и он отпустил меня взмахом руки, проводив долгим взглядом. Я торопливо сбежала по ступенькам, сгорая от желания выяснить, кто же ожидает меня в кухне, не побоявшись этим пасмурным утром предпринять долгое путешествие к нашему дому.

Чуть не сбив с ног Абигайль, которая несла из кладовой корзину с овощами, я влетела на кухню и вопросительно уставилась на миссис Дин, месившую тесто у большого стола. Бросив на меня хитрый взгляд, та рассмеялась и указала мне испачканной в муке рукой на что-то, находившееся на полу, возле плиты.

Подойдя ближе и увидев таинственного гостя, я на мгновение опешила и еле сдержала крик восторга, рвущийся из моей груди. Возле плиты, прижимаясь одним боком к её стенке и оттопырив крохотный хвост, напоминавший своей формой молодую морковку, находился белоснежный котёнок! Он с любопытством уставился на меня светло-голубыми глазами и сделал осторожный шаг навстречу, потешно сморщив розовый нос.

Без особых раздумий я нарекла удивительное создание, пахнувшее молоком, Снежинкой. (Как показало время, с именем я угадала, так как крохотный котёнок вырос в очаровательную гибкую кошку белоснежной масти со льдисто-голубыми глазами).

В тот миг исполнилась давно и тайно лелеемая мечта моего детства, и волна счастья затопила меня, заставив позабыть о всегдашней застенчивости. Взяв Снежинку на руки, я принялась знакомить с нею всех, кто был в этот момент в

помещении кухни, произнося всякий раз предельно серьёзным тоном: «Меня зовут леди Снежинка, мэм. Я чрезвычайно рада нашему знакомству!»

Миссис Дин привела меня в восторг, поддержав игру и церемонно пожав Снежинке переднюю лапку. Даже мрачная Абигайль с вечно оттопыренной от недовольства окружающим миром нижней губой изобразила что-то вроде улыбки и произнесла своё полное имя, растягивая слова и неумело копируя манеры знатных дам. Кухонные девчонки, нанятые недавно в помощь миссис Дин, давились смехом, прикрывая рты ладошками, но всё же каждая пропищала своё имя с комичной серьёзностью, поклонившись Снежинке.

Ничто в этот день не было способно омрачить моё счастье. Воспоминания о вчерашнем вечере, жутковатые сквозняки в полумраке гостиной и беспокойная ночь, полная отвратительных образов, преследующих меня – всё это стало таким далёким, будто бы произошло несколько лет назад. Стыдно признаться, но даже мысли о матери и её состоянии после вчерашнего припадка почти не тревожили меня.

Восторг от обретения нового друга затмил собой все потрясения последних дней. К сожалению, величайшая радость, которую Снежинка подарила мне своим появлением, заставила меня потерять осмотрительность и стала причиной нечаянного предательства, о котором я безмерно скорблю и по сей день.

Провозившись всё утро с леди Снежинкой, отличающейся живым и любознательным характером, я придумала организовать для неё обзорную экскурсию по дому. Начать я решила со своей комнаты, где уже обустроила чудеснейший домик из большой шляпной коробки, тайком позаимствованной в гардеробной комнате матери (за что, несомненно, я получила бы взбучку, будь взрослые не так сильно поглощены собственными делами).

Здесь-то меня и отыскал отец. Подобный визит уже сам по себе казался событием, выделяющимся из ряда привычных, но более всего прочего меня насторожила принуждённая улыбка, застывшая гримасой на его лице.

Молниеносно задвинув под кровать шляпную коробку, превращённую моей безжалостной рукой в кошачий домик, я настороженно поприветствовала отца, не забыв вежливо поблагодарить его за чудесный подарок.

– Я рад, Маргарет, что мой дар пришёлся тебе по душе, – проговорил отец, вынимая из моих рук Снежинку и внимательно осматривая её со всех сторон. – Поверь, я всерьёз был озабочен выбором. Среди всех котят, которые были у мистера Гриффита, Снежинка показалась мне самой подходящей.

– О да, сэр, Снежинка невероятная красавица, а ещё она очень умна, – с жаром подтвердила я достоинства своей любимицы.

В огромных ладонях котёнок казался совсем крошечным, и я только сейчас обратила внимание на то, что руки отца испещрены застарелыми пятнами, будто от ожогов. Снежинка потыкалась розовым носом в его пальцы и, вздыбив пушистую спинку дугой, несколько раз возмущённо чихнула.

Неожиданно отец вытащил из кармана тонкую бечёвку с привязанным к ней комком обёрточной бумаги и принялся подёргивать ею в воздухе. Сначала котёнок лапкой нерешительно прикоснулся к незнакомому предмету, пугливо отскочил в сторону, а затем начал пружинисто подскакивать за шуршащей приманкой.

Казалось, отец искренне наслаждается невинной забавой: черты его лица разгладились и приняли непривычное безмятежное выражение. Расслабившись, я тоже включилась в игру, моё настороженное состояние сменилось искренней признательностью за неподдельный интерес к моей любимице.

– Презабавное создание, – со смехом проговорил отец, азартно выманивая притаившегося за креслом котёнка, местоположение которого выдавал дрожащий кончик хвоста. – Но, Маргарет, ты должна помнить о том, что отныне на тебе лежит ответственность за безопасность и благополучие леди Снежинки. Пока она не превратится во взрослую самостоятельную кошку, ты должна будешь заботиться о ней и оберегать её. Как думаешь, ты справишься с этой задачей?

– Да, конечно, я приложу все усилия! – решительно заверила я его. – Леди Снежинка достойна всего самого лучшего. Мы непременно будем с ней друзьями!

– Даже не сомневаюсь, – без тени улыбки произнёс отец серьёзным тоном. – Как ты полагаешь, какая комната в доме понравится ей больше всего? Наверное,

кухня? Там всегда тепло, и выманить блюдце сливок у добросердечной миссис Дин для такой очаровательной малышки не составит никакого труда.

– Но… Я думала, что Снежинка будет жить в моей комнате, – слегка нахмурилась я, опасаясь, что отец будет возражать против присутствия котёнка в спальне. – Я приготовила для неё чудный домик, в котором ей будет тепло и уютно.

Забывшись, я вытащила из-под кровати изуродованную шляпную коробку, полную мягких лоскутков, но если отец и узнал в ней предмет, который явно не мог попасть в мои руки легальным способом, то от комментариев он воздержался. Напротив, его похвала окончательно растопила моё сердце и заставила позабыть о тревожном чувстве, охватывающем меня всякий раз в его присутствии.

Мирная болтовня и совместные игры с проворной Снежинкой необычайно сблизили нас. Отец даже рассказал мне несколько историй из своего детства, которым я внимала, затаив дыхание. Обычно всегда такой занятой и угрюмый, он, казалось, от чистого сердца наслаждался нашей беседой, издавая довольный расслабленный смешок каждый раз, когда ему удавалось шутливо схватить за хвост возмущённую таким неслыханным коварством Снежинку.

– У леди Снежинки, несомненно, чрезвычайно заносчивый нрав, – протянул отец, делая вид, что не замечает подрагивающий кончик хвоста, выглядывающий из-за коробки. – И до крайности любознательный. Интересно, ей бы понравилось присутствовать на вчерашнем званом вечере для узкого круга приглашённых, который состоялся в малой гостиной?

В этот момент Снежинка выпрыгнула из-за своего укрытия и принялась потешно наскакивать на комок бумаги, привставая на задние лапы и издавая слабое шипение. Зрелище было настолько комичным, что я, давясь от смеха и не особо вдумываясь в свои слова, ответила:

– О нет, не думаю, чтобы Снежинке понравился вчерашний приём. В гостиной было жутковато, а она ещё совсем маленькая. А от миссис Кинтор пахло плесенью. И немного щёлоком, как от Абигайль. И там происходило много странных и непонятных вещей. Нет, Снежинке бы там не понравилось. Я бы не захотела брать её с собой.

Комок бумаги в последнюю минуту ускользнул от крошечных цепких лапок и котёнок с уморительным недоумением уставился в пустоту.

– Ты благоразумная девочка, Маргарет, – похвалил меня отец. – Я тоже полагаю, что ни тебе, ни Снежинке не стоит посещать подобные мероприятия. Вот и мама вчера сильно расстроилась из-за всех этих событий. Дело в том, что её отец – твой дедушка, лорд Грейблум, погиб несколько лет назад в Южной Африке, и она даже не успела с ним проститься. Эта утрата до сих пор безмерно её печалит. Она сильно огорчилась из-за того, что у миссис Кинтор не получилось вызвать его дух, чтобы она поговорила с ним.

Бечёвка с бумажкой теперь медленно, чуть подрагивая, скользила по краю накидки, прикрывающей ножки кровати. За узорчатой завесой угадывалось нетерпение и яростный азарт, но Снежинка решила избрать выжидающую тактику, подпустив добычу ближе.

– Навряд ли она расстроилась из-за дедушки, – рассеянно произнесла я, принимая из рук отца бечёвку и пытаясь выманить белоснежный комок из-под кровати. – Миссис Кинтор не вызывала никого по имени Грейблум. Мама огорчилась из-за человека по имени Ричард Фергюсон.

Мои усилия наконец увенчались успехом – леди Снежинка не выдержала длительной осады и выскочила из своего укрытия, угодив прямиком в мои ладони, отчего я, счастливо рассмеявшись, закружилась по комнате, прижимая к груди свою любимицу.

Оказавшись неистощимым выдумщиком по части трюков с бечёвкой и приманкой, какое-то время отец ещё присутствовал в моей комнате, продолжая восхвалять сообразительность Снежинки и смеясь вместе со мной над свирепыми нападениями неутомимого создания. Когда же он оставил нас вдвоём, то я далеко не сразу поняла всю чудовищность совершённого мною проступка. Будучи всецело поглощена игрой с котёнком и расслабленной беседой с отцом, я потеряла всякую осторожность и нарушила обещание хранить тайну!

Осознание собственного предательства придавило меня к земле, будто тяжёлый камень. В полном отчаянии я подошла к дверям материнской спальни и долгое время стояла перед ними, не решаясь постучать и нарушить её покой. Так и не

найдя в себе сил признаться в содеянном, я укрылась в своей комнате и принялась ожидать справедливой кары за свою несдержанность.

Прошло несколько дней, в течение которых мать не покидала свою спальню. Толстый и одышливый мистер Джефферсон запретил беспокоить её, поэтому я была лишена возможности повиниться перед ней и выяснить, как сильно она на меня сердится.

Множество раз я прокрадывалась в будуар и, приникнув ухом к стене, пыталась уловить, что происходит в комнате, но там всегда было тихо. Из разговоров горничных, подслушанных мной, я поняла, что на этот раз разлад между моими родителями достиг небывалой силы. Однажды, когда я пряталась в кладовой, то услышала, как миссис Дин сказала, обращаясь к Абигайль: «Попомни мои слова, это затишье перед бурей. Случится что-нибудь ужасное, вот увидишь. Теперь уж недолго ждать осталось!»

В те редкие дни, когда я виделась с отцом за обедом или ужином, он вёл себя предупредительно и отстранённо, ничем не напоминая того весельчака, с которым мы вместе хохотали над проделками Снежинки. Замечая его холодность, я старалась реже попадаться ему на глаза, проводя больше времени в своей комнате или на третьем этаже жилой части дома. Теперь со мной рядом всегда находился пушистый комочек, готовый принять участие во всех моих играх, а это означало, что даже будучи предоставлена самой себе, я не чувствовала себя одинокой. Леди Снежинка обладала лучшими чертами настоящего друга – была весела, неназойлива и способна утешить меня в минуты уныния своей незатейливой кошачьей песенкой.

Но надо признать, что в Хиддэн-мэнор и вправду творилось нечто странное. Никогда ещё после припадка мать не проводила так много времени в постели, не желая никого видеть. Разлука с нею наполняла моё сердце печалью и тоской, и похожие чувства я ловила во взгляде отца, когда он входил в столовую перед обедом и бросал грустный взор на её пустое кресло. Она словно покинула нас, не покидая при этом Хиддэн-мэнор, выбрав для своего затворничества пропахшую лауданомом спальню, из окон которой было видно дорогу, ведущую к Лидфордскому ущелью, и кромку Уистменского леса.

Неизвестно, сколько бы ещё продлилась эта ситуация, наполнявшая весь дом гнетущей атмосферой, но в один из хмурых дней (кажется, в начале апреля), перед парадным крыльцом Хиддэн-мэнор остановился знакомый экипаж и в

холле, будто чудесная фея, возникла моя обожаемая тётушка Мод. Оцепенев от такой неожиданной радости я, стоя на лестнице, с трепетом наблюдала, как из-за её пышных юбок появляется кузина Элизабет и простирает ко мне руки, сияя искренней улыбкой.

От восторга я потеряла дар речи – пока мы ожидали, когда мать приведёт себя в порядок и спустится к нам, я могла лишь односложно отвечать на вопросы тётушки Мод и разглядывать её удивительный туалет. Кузина Элизабет была одета чуть скромнее, но яркие муаровые ленты в её волосах и затейливое кружево на воротничке платья показались мне восхитительным оперением райской птицы.

Разворачивая подарки, которые тётушка вручила мне с ласковой улыбкой, я с трудом сдерживала радостные возгласы, рвущиеся из моей груди. Никогда ещё я не получала такие чудесные дары, да ещё упакованные в нежнейшую, будто замшевую бумагу с лёгким цветочным ароматом. В числе подарков были новые книги, два платья из тонкого муслина, невесомые, словно белоснежная паутинка, перчатки, миниатюрные дамские часики на длинной цепочке и великолепная лакированная музыкальная шкатулка, крышка которой была украшена искусной резьбой. (К музыкальным шкатулкам и прочим механическим заводным игрушкам моя тётушка питала особое пристрастие. Её дом в лондонском пригороде, куда я отправлюсь спустя год с небольшим после описываемых событий, оказался наполнен превосходными образчиками музыкальных ящиков и табакерок).

Ошеломлённо взирая на всё это богатство, я поблагодарила тётушку с такой горячностью, что та неловко опустилась на колени и порывисто поцеловала меня в лоб, на мгновение крепко сжав в ласковых объятиях.

– Ох, Маргарет, я так счастлива, что тебе пришлись по душе эти безделицы, – проговорила тётушка Мод, растрогавшись. – Нет большего удовольствия, чем одаривать такую благодарную малышку, как ты! Между прочим, у Элизабет тоже есть для тебя подарок. Она вручит тебе его после…

В этот момент тётушка резко замолчала, на её побледневшем лице появились испуг и растерянность. Проследив за её взглядом, я тоже испытала некоторую дрожь.

В дверях безмолвно стояла моя мать, закутанная в плотную шаль. Её потускневшие за время затворничества волосы находились в полном беспорядке и больше напоминали воронье гнездо, чем причёску благовоспитанной леди. Глаза ввалились, а тёмные тени вокруг них придавали её взволнованному взгляду лёгкое безумие. Тонкие пальцы проделывали множество мелких суетливых движений, которые она, как это казалось со стороны, вряд ли осознавала.

– О, дорогая моя! – тётушка Мод вскочила на ноги и поспешила к сестре, на ходу раскрывая ей свои объятия. – Я и не знала, что ты больна. У тебя измождённый вид. Тебе не стоило покидать свою постель.

Элизабет нашла мою руку и стиснула её горячей ладошкой, а затем, обратив ко мне встревоженный взгляд, начала проникновенную и сочувственную речь, имеющую своей целью утешить меня. Впервые добросердечие кузины не вызвало во мне благодарной признательности, так как я с превеликим старанием пыталась разобрать то, о чём говорили моя мать и тётушка Мод.

Не бросив на меня даже взгляда и не поприветствовав кузину Элизабет, как того требовали правила приличия, мать объявила хриплым надтреснутым голосом:

– Мод! Ты будешь удивлена! Случилось кое-что… – Её потрескавшиеся бескровные губы растянулись в подобии слабой улыбки, и она почти выкрикнула: «У меня есть известие!»

Звонкий ручеёк утешительной речи Элизабет всё никак не иссякал и, как я не прислушивалась к дальнейшей беседе, её содержание осталось для меня тайной. Я лишь увидела, как тётушка Мод вынула из крохотного ридикюля пухлый конверт без единого почтового штемпеля. В ту же секунду лицо матери потеряло свою нездоровую бледность, вызванную меланхолическим недомоганием, и расцвело пунцовым румянцем. Меня же, будто предчувствие грядущих трагических перемен, пронзил озноб.

Глава 6

Весна тысяча девятьсот четвёртого года выдалась на редкость тёплой и солнечной, что радовало меня и Элизабет многочисленными возможностями для прогулок и игр. Тётушка Мод и кузина никогда ещё не гостили в Хиддэн-мэнор такое продолжительное время, и я чувствовала себя настолько счастливой от их присутствия в нашем унылом поместье, что каждое утро, просыпаясь, была готова распевать песни, словно птичка.

Благодаря гостьям в доме установилось праздничное оживление, которое заставило мать стряхнуть с себя остатки болезни и быстро пойти на поправку. Пухлый доктор Джефферсон, пропахший отталкивающими лекарственными запахами, нехотя признал, что мать почти оправилась от приступа меланхолии и не настаивал более на приёме своих снадобий, которые раньше приносил в пугающих количествах.

Неестественная бледность на лице матери уступила место лёгкому румянцу, а пугающие тёмные круги под глазами почти исчезли. Мать казалась такой весёлой и беспечной, будто и вовсе не было никакого длительного недомогания, во время которого она от слабости проводила целые дни в постели, равнодушно глядя на пылающий в камине огонь. В движениях её появилась нетерпеливая порывистость, отчего казалось, что она не ходит степенной походкой, подобающей взрослой даме, а пританцовывает, как расшалившийся ребёнок.

Наблюдая эти изменения в поведении и самочувствии матери, отец связывал их с положительным влиянием тётушки Мод, отчего начал демонстративно выказывать той свою симпатию и сердечную благодарность. Тётушка же, вопреки моим ожиданиям, по-прежнему общалась с отцом подчёркнуто вежливо, стараясь не вступать с ним в долгие беседы, и подчас бывала холодна и равнодушна к оказываемым ей знакам родственного внимания.

Мою искреннюю радость от пребывания в поместье долгожданных гостей омрачало лишь то, что тётушка Мод и моя мать приобрели досадную для меня привычку уединяться. Ни одна из них не спускалась, как раньше, к завтраку, вместо этого они устраивали чаепитие в комнате матери, ведя при этом таинственные беседы.

Множество раз я прокрадывалась в смежную со спальней гардеробную, имея намерение выяснить тему этих секретных разговоров, но дверь между комнатами всегда была заперта на щеколду с внутренней стороны, а через тонкую стену до меня доносилось только приглушённое шушуканье и редкие

смешки.

После обеда моя мать и тётушка Мод принимались прогуливаться в старом яблоневом саду, наслаждаясь уединением и опять-таки беседой о чём-то, не предназначенном для посторонних ушей. Во время послеполуденного чаепития (которое обставлялось с невероятной пышностью, что вызывало бранчливое ворчание миссис Дин и недовольство Абигайль), сёстры то и дело обменивались туманными фразами, которые я не могла разгадать. Если же мы с Элизабет стремительно входили в гостиную, где находились наши матери, то они резко меняли тему беседы, имея при этом смущённый вид. Всё это укрепляло меня в подозрениях, что мать имеет от всех некую тайну, в которую посвящена только лишь тётушка Мод.

Тяжёлое чувство ревности всё более овладевало моей душой, вынуждая теряться в догадках и терзаться самыми мрачными подозрениями. Если раньше я ожидала визита наших родственниц для того, чтобы получить так недостающие мне знаки материнской приязни и внимания, то этой весной мы с кузиной оказались предоставлены друг другу.

Нельзя сказать, что мы плохо проводили время. Та счастливая пора навсегда останется для меня благословенной эпохой, полной трепетно оберегаемых воспоминаний. Глядя на нас с кузиной сейчас, я иногда мысленно возвращаюсь туда, к ярким образам и событиям прошлого, когда груз потерь ещё не давил на мои плечи, а страх перед будущим не сжимал моё сердце жестокой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kenni_uolter/skrytye-pruzhiny

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити